

- 32 Ю. Мошков. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации, Москва, Изд-во Московский университет, 1966, стр. 23; J. Karcz. *Soviet Studies*, April, 1967; R.W. Davies, *Soviet Studies*, January, 1970, pp. 314-329.
- 33 „Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР”, Москва, 1930, т. 2, стр. 36.
- 34 Автору не удалось найти подобных законов, которые были бы введены ранее 1932 г.
- 35 А. Н. Малафеев. Указ. соч. стр. 133.
- 36 Г. А. Конюхов. Указ. соч., стр. 98-99.
- 37 В. Новожилов. Вестник финансов. № 2, 1926.

Загорка Голубович

ЮГОСЛАВСКОЕ ОБЩЕСТВО И „СОЦИАЛИЗМ”: КРИЗИС ЮГОСЛАВСКОЙ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

В любом анализе югославского общества и социальной системы, сложившихся после второй мировой войны, необходимо принять во внимание тот факт, что послевоенная структура югославского общества была смоделирована по советскому образцу. Однако Югославия – единственная страна, которая рано приняла меры к тому, чтобы выйти из „социалистического сообщества” – союза, сложившегося в результате нового геополитического раздела Европы; поэтому анализ должен также выявить, в какой степени эта система отличается от „реального социализма” и какова глубина социальных изменений, происшедших после 1948 г. Итогом анализа должен быть ответ на следующие вопросы:

1. Принадлежит ли по-прежнему югославское общество к категории обществ „действительно существующего социализма”;¹

2. Чем оно отличается от других восточноевропейских обществ, и носят ли эти отличия качественный характер (т. е. распространяются ли эти отличия на всю систему организации общества);

3. Предлагает ли „югославский путь к социализму” действительную альтернативу обществу советского типа (т. е. выходит ли он за рамки основных принципов, на которых оно зиждется)?

Поскольку развитие общественной системы Югославии прошло через различные этапы, в анализе постоянно надлежит применять два подхода — исторический и структурный; только так можно будет проникнуть в глубину происходивших изменений и оценить, когда имела место эволюция, а когда — отступление в развитии, регресс; выявить процессы развития и тенденции к институционализации, с одной стороны, и социальные факторы, стоявшие за ними, — с другой; тогда аналитик сможет попытаться определить причины различных поворотов в развитии, что весьма нелегко в системах такого рода, ибо здесь внутренняя структура власти в основном скрыта.

Невозможно, однако, взяться за описание нынешнего кризиса югославской системы без предварительного анализа ее происхождения и, в том же контексте, — не соотнося ее с первоначальной моделью, на основе которой произошло политическое формирование движущих сил послевоенного югославского общества. Анализ нынешнего социального кризиса будет проделан через описание этапов и пределов социальных перемен с освещением процессов, происходивших после 1948 г. Кризис югославского общества пришелся на 70-е—80-е годы, но корни его — в социальных переменных 1948 г. (точнее, 1952-1953 г.), осуществленных без осмысленной теоретической концепции и стройной программы. Иными словами, намеченные перемены были сформулированы, да и проводились, половинчато, постоянными рывками вперед и назад; однако основное влияние принадлежало идеологическому наследству, в котором застыли определенные принципы первоначальной модели, которые запрещалось подвергать сомнению: однопартийная власть, идеологический контроль над культурой, решающая роль государства в „построении социализма” и т.п. Это привело к накоплению противоречий вместо того, чтобы предложить новые методы их преодоления.

В результате создалось общество, в котором элементы рыночного хозяйства, рабочие советы и другие органы самоуправления были „встроены” в ранее сложившуюся структуру общественных и производственных отношений, ориентированную на национализацию средств производства в промышленности и ускоренную индустриализацию, одновременно пренебре-

гавшую сельским хозяйством (при том, что послевоенная структура югославского общества была преимущественно аграрной), и в политическую систему, основанную на власти, завоеванной коммунистической партией как неоспоримым лидером.

Так возникли в югославском обществе новые трудности и противоречия: проблемы, вызванные процессом децентрализации, которая привела к дезинтеграции общества и разъединению его частей; противоречия между рыночной экономикой и плановой координацией; противоречия между экономическим плюрализмом и политической властью, основанной на партийной и идеологической монолитности.

Наиболее бросающаяся в глаза черта „действительно существующего социализма” югославского образца состоит в разрыве между социо-политической системой и ее институтами, по-прежнему весьма тяготеющими к ужесточению партийно-политического контроля над регламентированными формами жизни и работы, и формами повседневной жизни и поведения. Поскольку предписания политической социализации не играют главной роли в югославском обществе, повседневная жизнь значительно меньше проникнута господствующей идеологией и характеризуется определенной гибкостью, а столкновения интересов в ней более заметны. Поэтому непосредственный наблюдатель повседневной жизни может прийти к поспешному выводу о качественном различии между югославской системой и „реальным социализмом” и пренебречь множеством коренных общих элементов. Иностранному наблюдателю особенно легко попасть в такую ловушку, но ее следует избегать аналитику, который намерен выявить скрытую структуру отношений в обществе; ему не следует недооценивать также противоречий, существующих в повседневной жизни. Во всех таких исследованиях гораздо важнее уяснить, что составляет подлинную жизнь личности: для многих членов общества политическая система и структура власти остаются абстрактными понятиями до тех пор, пока они не начинают преобладать над всеми аспектами жизни, не становятся неотъемлемой и довлеющей частью повседневной жизни.

Югославскую социальную систему можно назвать „репрессиями с человеческим лицом”.² В основном, эта система

влияет на повседневное существование политических протагонистов и тех, кто заинтересован в политических переменах, но, с другой стороны, она поддается обновлению, плюралистична в экономике и в относительно широких областях культуры (впрочем, эта терпимость меньше относится к литературе, общественным наукам и идеологии). Отсюда — широкий спектр „нормального поведения”, без постоянного давления злобы и неврозов. В толковании свободы дело зашло настолько далеко, что „плюрализм интересов” в экономике (а в последнее время — и в политике) превращается в столкновение частных интересов и эгоизма. Среднему гражданину, который более озабочен своими материальными проблемами, чем политикой, жизнь предлагает целую гамму возможностей для устройства своего гнезда в той смутной и не слишком определенной сфере, которую называют „общественной собственностью”, чтобы отхватывать от нее все большие куски для себя. Этого было достаточно для умиротворения большей части общества вплоть до резкого и неуклонного падения жизненного уровня в начале 80-х годов, когда материальное существование, особенно низкооплачиваемых работников и растущего числа безработных, было серьезно подорвано (за последние 5 лет реальные доходы населения снизились на 34%).

Повседневная жизнь в Югославии может быть охарактеризована распространенным принципом: „Не лезь в политику, и у тебя будет полная возможность наслаждаться жизнью и изведать все счастье, которое может дать потребительское общество!”

Однако план „строительства социализма” продолжает оставаться идеологическим фундаментом югославского общества, и оно является во всех отношениях *политизированным*. Идеино-политические веяния пронизывают поэтому и повседневную жизнь, особенно на низовых уровнях самоуправления, и не только на рабочих местах, но и на улице (общинные организации соседей как форма квази-самоуправления; предполагается, что эти объединения должны принимать решения по местным вопросам) и дома (домовые советы как форма самоуправления).

Цель анализа — показать на примере югославского общества, насколько далеко можно зайти в планировании социальных

перемен в рамках „действительно существующего социализма”, не изменяя основ такого общества; а также выявить, какие препятствия возникают в ходе эволюции общества советского типа, когда внедряют перемены в экономической системе, но сохраняют в неприкосновенности институты политической системы.

Концепция самоуправления,³ принимаемая в качестве идеологического символа „югославского пути к социализму” после 1948 г., несет отпечаток всех этих сдвигов и противоречий, которые югославское общество до сих пор так и не сумело преодолеть. Мы намерены как можно точнее представить эту концепцию со всей ее идеологической нагрузкой и с учетом всех противоречивых социально-экономических и политических воздействий, вследствие которых она поддается различным толкованиям и удовлетворяет весьма противоречивым общественным интересам. Нынешний кризис югославского общества — это результат конфликтных социальных интересов в экономической и политической сферах, усугубленный отсутствием реальной возможности согласовать их в рамках существующих институтов.

1. Возникновение и развитие идеи „югославского пути к социализму”

Рассматривая концепцию „югославского пути к социализму”, придется присмотреться к тому периоду послевоенной истории страны, когда новая модель была принята как альтернатива ранее признаваемой единственно возможной советской модели. Официальные источники датируют начало этого периода 1948 г., когда Сталин и Коминформ осудили Югославию как страну, которая сошла с пути построения социализма. Как известно, югославское руководство отвергло эти обвинения и оказалось в полной изоляции от „коммунистического содружества”.

Произошедшее в 1948 г. было историческим событием мирового масштаба — оно создало прецедент, разбив формулу „нормального” поведения коммунистических партий в отношении „первой в мире страны социализма”.

Но югославская концепция социализма начала формироваться позднее, когда руководство страны оправилось от шока сталинской анафемы. Поскольку КПЮ считалась вернейшим последователем Советского Союза и в его руководстве сидели наиболее ортодоксальные кадры большевистского типа, это руководство вначале даже не осознало случившегося и полагало, что это всего лишь недоразумение, которое можно урегулировать.

Даже 1950 г. не может считаться поворотным пунктом в области социальных перемен и их формулирования, хотя тогда был принят закон о передаче предприятий под управление рабочих. Однако концепция нового пути еще зияла пустотой, и лозунг „фабрики — рабочим” не соответствовал структурным переменам.

В социологическом смысле теоретические основы новой модели, которая приобрела известность как „социализм самоуправления” (хотя она прошла через различные этапы и не раз изменялась), были заложены в 1952-1953 гг. В этот период были приняты законы, которые открыли путь к структурным переменам в экономических отношениях, разрушив доселе непрекращаемые формы централизованной плановой экономики.⁴ В этот период доселе бессодержательная идея рабочего самоуправления была увязана с необходимостью предоставить большую автономию предприятиям и децентрализовать руководство народным хозяйством. Тогда же она была вдохновлена ревизионистской (для того времени) идеей оживления рыночной экономики, реализация которой позволила бы автономно действующим предприятиям функционировать в соответствии с экономическими законами. Этим был поставлен под вопрос (хотя скорее в теоретическом, нежели в практическом плане) основной принцип функционирования советской системы — принцип примата политики над экономикой (непоследовательное внедрение рыночной экономики обнаружило себя в 80-е годы, когда вновь политика возобладала над экономикой).

Югославскому руководству понадобилось несколько лет, чтобы понять последствия происшедшего в 1948 г., когда оно резко воспротивилось советской гегемонии, чтобы защитить независимость страны. Сначала это была непосредственная

реакция на обвинения Коминформа, и только затем — колебания и перемена взглядов и позиции в отношении СССР, что характеризует политику югославского руководства по сей день.

Сначала оно реагировало на сталинские обвинения, применяя для самозащиты вполне сталинистские методы. Наиболее яркие примеры тому: возврат к политике коллективизации (в 1949 г. число коллективных хозяйств за год возросло в пять раз), национализация даже самых мелких промышленных и торговых предприятий, ужесточение партийного контроля над всеми сферами общественной жизни, и наконец, вершина всего — создание концлагеря Голи Оток, где сталинские жестокие методы применялись к „предателям независимого пути” — тем, кто поддержал Коминформ или выразил сомнение в решениях ЦК КПЮ.⁵ Но осталась неизменной политика коллективизации, сохранились также сталинские методы полицейских репрессий; хотя они периодически возрождались в новых видах и формах, в них хорошо распознавалась прежняя суть. После 1968 г. имели место преследования „морально и политически неподходящих лиц” в науке и культуре; с середины 70-х и до начала 80-х гг. проводилась „идеологическая борьба” против „черной волны” в кино и „идейно несозвучных” работ о послевоенном периоде югославской истории.

Возникает вопрос, не был ли разрыв со Сталиным (каким бы болезненным он ни был, но все же он произошел слишком рано, когда система советского типа еще не имела достаточно времени, чтобы укорениться в Югославии) менее трудным, чем разрыв со сталинизмом как образом мышления и поведения, пережитки которых можно в той или иной степени проследить в разных сферах жизни на протяжении всей послевоенной истории страны. Пуповина, связывавшая югославское руководство с партией большевистского типа, подчас так натягивалась, что разрыв казался неизбежным; положение логически разрешилось на VI съезде партии в 1952 г., где была выдвинута идея об изменении роли партии в условиях самоуправления, а то и об ее отмирании. Позднее, однако, этот запал ослабел и формулировки стали более умеренными, что отразилось в переименовании компартии в Союз коммунистов Югославии (СКЮ) и в замене термина „правящая партия” на формулировку „ведущая роль

партии". Затем в 1957 г. произошел первый (и единственный) съезд рабочих советов, на котором прозвучали требования расширения прав предприятий в распределении доходов, в принятии решений в области инвестиций и условий труда. Дух радикальных перемен в сторону усиления самоуправления вновь возродился в 1968 г. в студенческом движении, участники которого остро критиковали бюрократическую систему, углубляющееся классовое расслоение и тенденции к возрождению капиталистического производства, критиковали „красную буржуазию", подчинившую цели социализма идее сохранения собственной власти. Возродился этот дух и среди рабочих, которые применили классический метод забастовок для защиты своих прав и использовали съезд профсоюзов, чтобы выразить недовольство и призвать к очищению рабочих организаций от бюрократии. И все же этот дух не достиг той точки, в которой возникает новая альтернатива, не отягощенная старым идеологическим наследием.

Лучше всего это показывают перемены в оценке характера советского общества, связанные не столько с дипломатическими соображениями, сколько с глубокой внутренней неуверенностью относительно того, что же является критерием социалистического преобразования общества. Эта поразительная двойственность югославской политики — лишь внешнее отражение противоречивости самой концепции „югославского пути к социализму" и практической югославской политики, корни которых заложены в советской модели.

Изменения в оценке советской системы с 50-х и вплоть до 70-х годов (с тех пор оценки по существу не менялись) отражают колебания в понимании социальных изменений, необходимого для формулирования и осуществления подлинно независимого (и в корне отличного) пути развития тех сил в югославском обществе, которые стремились к построению социализма, основанного на самоуправлении. Началось с незрелых и теоретически необоснованных контратак против империалистического и гегемонистского подхода советского руководства к проблемам интернационализма, с обвинений в неуважении к особым путям других социалистических государств; этот этап достиг вершины в 50-е годы, когда прозвучали обвинения советской

системы в несоциалистическом характере. Советская система была определена как государственно-капиталистическая с кастой руководителей-бюрократов во главе — что было названо предательством социализма. Последующие оценки постоянно колебались между такими крайностями как „несоциалистический" характер советской системы и признание ее, хоть и неразвитой и деформированной, но „все же социалистической".⁶ Но в 70-е годы советское общество было признано социалистическим, и эта позиция более не менялась, хотя югославское руководство открыто осудило интервенцию в Чехословакию в 1968 г., назвав ее „поражением социализма", и положительно отнеслась к движению „Солидарности" в 1980 г., что, впрочем, не помешало и государственной власти и партии строить дружеские отношения с руководителями стран Восточной Европы, препятствовать любым независимым начинаниям внутри страны и репрессировать югославских граждан, выражавших солидарность с оппозиционными движениями в Восточной Европе.

Анализ основных идей и структурных характеристик югославского общества показывает, что изменения в оценке советской системы меньше объяснялись внешнеполитическими соображениями, нежели необходимостью узаконить югославские порядки, в которых имелось немало общего с советскими. Эти колебания коррелируются с внутренними сомнениями относительно направления и глубины социальных изменений в связи с пережитками унаследованной от советской идеологии модели. Любое приближение к старым методам, возврат к любому элементу „материнской" модели выражался в усиленном подчеркивании социалистического характера стран „реального социализма", тогда как в 50-е годы необходимость найти собственное лицо требовала более критического отношения к исходной модели и смелых поисков альтернативы, которая оправдала бы столь „еретический" акт, как выход из „социалистического содружества". Но последний, решительный шаг, который означал бы окончательный отход от общества советского типа, так и не был сделан. Радикальные идеи и программы, выдвинутые на VI съезде партии в 1952 г., в программе СКЮ 1958 г. и на съезде профсоюзов в 1968 г., быстро сменялись умеренной линией, решительно отстаиваемой Тито, который предостерегал на VIII

и IX съездах партии, что идеи VI съезда относительно роли партии в обществе самоуправления были ошибочно истолкованы в духе либерализма. Изгнание Милована Джиласа из партийного руководства и из СКЮ в 1954 г. должно было продемонстрировать, что решения VI съезда „толковались ошибочно“.⁷

Таким образом, различия в толкованиях характеризуют не только первый этап отхода от советской модели и принятия независимого пути, но и всю эволюцию югославской политики за последние 40 лет.

Однако при рассмотрении возможностей независимого пути развития югославского общества в 50-е годы следует вернуться к периоду, предшествовавшему разрыву с СССР в 1948 г. Именно он сыграл важнейшую роль в создании основ югославского руководства, в его сопротивлении нападкам Коминформа, в решении избрать независимый „путь к социализму“. Речь идет о независимо начатой и проведенной освободительной войне, переросшей в революцию, которая в особых условиях югославского сопротивления фашизму не могла просто следовать модели Октябрьской революции. Относительно короткий период сталинизации в эпоху формирования нового строя не дал полностью укрепиться системе советского образца. Революционный энтузиазм и вера в себя в результате успеха революции оказались очень сильными факторами и облегчили югославскому руководству разрыв с догматическим наследием. Историческое стремление независимости, восторжествовавшее в войне за освобождение, обусловило отказ подчиниться сталинским атакам на независимость: югославское руководство могло рассчитывать на поддержку всего народа. Наконец, немаловажную роль сыграла сильная личность Тито, который превратился в легенду вследствие заслуг КПЮ в войне за освобождение. Возглавляемое Тито югославское руководство как бы продолжило борьбу за независимость, отказавшись стать вассалом СССР.

Когда связи с „материнской моделью“ были разорваны, у югославского руководства не осталось иного выбора, как создать новую модель, чтобы оправдать разрыв. Надо было найти нечто такое, что узаконило бы сопротивление „первой стране социализма“. Такая модель могла быть сформулирована лишь в категориях более демократической и гуманной формы социализма.

Таковы были условия, которые способствовали сопротивлению советскому гегемонизму и помогли создать отличную от советской (насколько отличную — это остается под вопросом) концепцию социализма, известную как „югославский эксперимент“.

Несмотря на благоприятные условия, КПЮ, будучи партией коминтерновского типа, влачила это наследие, ограничивавшее возможности преобразования „материнской модели“. Одним из важнейших тормозов была особая структура мышления руководящих партийных кадров, обусловленная общим мировоззрением III Интернационала: догматическое партийное мышление было характерным для всех партийных руководителей, прошедших эту школу. Другим ограничителем была сама организационная структура партии, традиции которой заложил Ленин. Поскольку партии приписывается роль авангарда, она правомочна принимать решения „от имени рабочего класса“, интересы которого она, как предполагается, защищает. Отсюда и широта социальных перемен, связанных с концепцией „построения социализма“, считающегося успешным лишь постольку, поскольку обеспечена руководящая роль коммунистической партии.

Отсюда и гибридный характер югославской системы, обусловленный не недостатком предшествующего опыта или метода „проб и ошибок“, характерного для любого эксперимента, а компромиссным подходом к идеологическому наследию. Кроме предпринятых в начале 50-х годов попыток переосмыслить всю социально-экономическую и политическую структуру общества (включая критический пересмотр однопартийной монополии) — попыток, потерпевших неудачу или остановленных на полпути, позднейшая часть „эксперимента“ была в основном ограничена сферой экономики.

Таким образом, с самого начала „эксперимент“ встретился с непреодолимыми препятствиями: модель была построена на противоречивой основе и в результате не могло сложиться ничего иного, кроме внутренне противоречивой, половинчатой системы самоуправления. На макроуровне была создана в основном авторитарная политическая структура, и лишь на микроуровне введено *самоуправление*. Впрочем, и здесь ограниченное

и по компетенции, и по своей сути. Ограничение заключалось в самом факте, что самоуправление охватывало главным образом сферу экономики, или, в более широком смысле, — сферу трудового процесса, и прилагалось исключительно к принятию решений относительно условий труда и распределения, не включая сферы политики и социальных отношений во всей их полноте. *Звенья самоуправления* — это „рабочие единицы”, а не общественно-политические организации, так что политические решения остаются вне контроля таких звеньев и являются прерогативой партийных организаций и государственных учреждений. В результате, важнейшая сфера общественной жизни находится вне системы самоуправления. Получается, что система самоуправления отделена от системы свобод и прав человека, и нарушения этих прав и свобод как будто не препятствуют функционированию и развитию самоуправления. К тому же важнейшие хозяйственные решения, включая политику капиталовложений на макроуровне, использование прибавочной стоимости и контроль над распределением основной массы национального дохода, остаются прерогативой государственного (или парагосударственного) аппарата. Отсюда — ограничения самоуправления, так что многие важные аспекты общественной жизни остаются вне его институциональных форм: внешняя политика, военный комплекс, внутренняя политика общественно-го развития и общественного воспроизводства системы и т. д.

Эти ограничения — логическое следствие методов, посредством которых вводилось самоуправление. Оно было введено государственным актом и волей партийного аппарата как дополнение к партийно-государственному аппарату, а не как альтернатива ему, причем компетенция органов самоуправления строго ограничена тем, что государство определяло развитие самоуправления, но никак не наоборот. Поскольку *звенья самоуправления* не имеют политических прав, они не только не могут определять степень „отмирания государства”, но не могут влиять реально даже на само поведение аппарата власти. А поскольку партийно-государственный аппарат определяет *компетенцию и пределы самоуправления*, права и обязанности *единиц самоуправления*, которые к тому же атомизированы и разобщены, то все это ставит их в еще большую зависимость от партийно-

государственного аппарата, и само понятие самоуправления оказывается поставленным с ног на голову. Самоуправление не только не исходит из динамики общества, но противостоит ей, препятствует общественному движению, которое довело бы процесс преобразований до логического конца.⁸ Поскольку самоуправление навязано сверху и оттуда постоянно регулируется и дозируется, то основная цель самоуправления — возможность самоорганизации общества — не ставится и не достигается.

Ограничение *самоуправления* уровнем цеха отражает не только первый период поисков и незрелость первого этапа, за которым могло бы последовать постепенное превращение *самоуправления* в интегральную концепцию общества. В конституции 1974 г. содержится меньше элементов самоуправления и больше государственных и парагосударственных центров власти, которые лишь называются самоуправляющимися. Отход от принципа *самоуправления* и децентрализации, который в 50-е годы толковался как расширение общественной базы принятия решений для „отмирания государства”, как форма перехода функций принятия решений к предприятиям и общинам (в соответствии с законом 1953 г., внесшим поправки к конституции 1946 г.). Не имеет отношения принцип *самоуправления* и к понятию децентрализации, господствовавшему в 70-е годы, главной идеей которого была передача функций федерации республикам и их аппаратам.

Пределы самоуправления были шире всего в начальный период, когда еще был жив революционный энтузиазм и решимость найти альтернативу советской модели. Потом оба эти фактора были вытеснены все расширявшимся спектром частных интересов, погоней за властью и положением. То было время, когда и в партийно-государственном аппарате и в кругах марксистской интеллигенции еще верили в возможность обновления. Кульминация энтузиазма, как мы уже отмечали, пришлось на VI съезд партии, когда казалось, что все карты раскрыты во всех областях, даже самых болезненных (таких как монополия партии), что вслед за реформами в партии важнейшие перемены произойдут повсюду, и все элементы системы станут самоуправляющимися. Пол Шоуп отмечает, что VI съезд был „самым реформационным съездом в истории СКЮ”.⁹ Расширение свободы,

разнообразие форм и идей в области культуры, подлинное экспериментирование в сфере экономики, дошедшее до серьезных экономических реформ и до развития концепции „рыночного социализма“, продолжалось до середины 60-х годов.

2. Краткий обзор этапов югославского „социализма самоуправления“

Этот краткий обзор эволюции социальной системы Югославии поможет читателю уловить особенности пути, пройденного страной, и лучше понять его основные моменты.

Не входя в детальный разбор, что невозможно из-за недостатка места,¹⁰ ограничимся указанием основных тенденций и итогов, которые могут помочь понять нынешнее состояние югославского общества и переживаемый им сегодня социальный кризис.

Известно, что к концу второй мировой войны Югославия была слабо развитой аграрной страной, и в этом смысле походила на Россию в канун Октябрьской революции. Этот факт следует напомнить для понимания перемен, которые внес курс на ускоренную индустриализацию, с чего началось „построение социализма“ и в Югославии.¹¹ Однако индустриализация в Югославии проходила не так, как в СССР, где ее намеченной Сталиным оборотной стороной была коллективизация сельского хозяйства. Но и в Югославии бремя индустриализации было возложено на сельское хозяйство, его интересы были подчинены промышленности; к тому же, были введены обязательные поставки, что вынудило крестьян снабжать городское население дешевыми продуктами. Совпадала с советской политикой индустриализации и ориентация на тяжелую промышленность (с той отмеченной югославским экономистом Костой Михайловичем разницей, что уже в 50-е годы республики, входящие в состав Югославии, пытались, невзирая на издержки, создать собственную инфраструктуру; поэтому Михайлович ведет начало „федерализации“ экономики уже с того времени).

В ходе промышленного развития, которое шло неуклонно до 1967 г. (в своей работе о Югославии Мейстер отмечает, что в

1952-1962 гг. ежегодный темп роста составлял 7,6%, и Югославия уступала по этому показателю только Японии¹²), довольно быстро произошли серьезные изменения и в структуре населения и в общем уровне развития страны. Ныне Югославия — средне-развитая аграрная страна с национальным доходом на душу населения около 3 тыс. долларов, причем выпуск промышленной продукции возрос здесь вшестеро. Югославское население, ранее в большинстве — сельское (две трети — после войны, не более четверти — в 1981 г.), стало в основном городским и крестьянско-промышленным (живущим в сельской местности и работающим в промышленности), в результате миграции (в основном, молодых мужчин) в промышленность и другие секторы хозяйства. Это привело к „аграризации городов“, где произошло смешение городской и сельской культур, особенно в пригородах, населенных крестьянами-рабочими, что приобщило урбанизацию или придало ей специфический характер. В результате произошел большой прирост занятости (утроившейся за два первых послевоенных десятилетия), но одновременно усилилось давление наличной рабочей силы и увеличилась безработица.

Перемены в профессиональной и имущественной стратификации югославского общества были вызваны не только индустриализацией, но и национализацией средств производства в промышленности, на транспорте и в банковском деле (здесь была экспроприрована собственность тех, кто сотрудничал с оккупантами), а отчасти — и в сельском хозяйстве. Это усилило новое государство, укрепило центральную власть. Однако наряду с государственной собственностью, которая в первые послевоенные годы рассматривалась как „высшая форма социалистической собственности“ (этот взгляд был критически пересмотрен на следующем этапе), еще существовали частные сельские хозяйства, хотя их земельные наделы были урезаны, а мелкая частная торговля, национализированная после нападок Коминформа, со временем была вообще запрещена.

Однако не было изжито наследие серьезного регионально-го неравенства, не только в области экономики, но и в сфере элементарной культуры (грамотность, здравоохранение, гигиена¹³), хотя были созданы специальные фонды помощи менее развитым районам.¹⁴

Поскольку, однако, поворот на „югославский путь к социализму” произошел вскоре после войны, когда властям приходилось работать над восстановлением разоренной страны, результаты развития промышленности еще не чувствовались в момент перехода к новой модели. Поэтому идея о необходимости перехода от централистской, бюрократической системы руководства к самоуправлению не имела благоприятной почвы, создаваемой соответствующими материальным и культурным уровнем и общественной структурой.

В начале послевоенного периода имела место попытка обновления парламентской системы во время послевоенных выборов в Скупшину (парламент). К выборам были допущены все существовавшие тогда политические партии. Эта интересная попытка могла бы тоже дать опыт, отличный от большевистской революции с ее однопартийной системой, но она была пресечена раньше, чем выявила свои положительные (или отрицательные) стороны.¹⁵

В первые два послевоенных десятилетия продолжался рост общественного производства, наиболее успешный в 1954-1959 гг. Вплоть до середины 60-х годов казалось, что постепенное продвижение к автономии предприятий способствует развитию хозяйства, основанного на методах управления, пусть ограничиваемых властью государства и направляемых им, но все же иных (думается, что такие методы неоправданно называть *самоуправлением*; термин *соправление* представляется более точным и для последующих периодов).

Если краткий период — с середины 1948-го до конца 1949 г. — можно характеризовать как период замешательства и безуспешной переориентации, то в 50-е годы прояснилась необходимость поиска новых путей, хотя, по-прежнему, оставалось неясным, как эти пути определить и какие методы можно приспособить к существующей общественной структуре. Формальное провозглашение лозунга „заводы — рабочим” (1950 г.) сначала привело лишь к созданию рабочих советов скорее как консультативных органов, но затем начались первые крупные изменения структуры. Формирование еще не полностью осознанной „новой структуры социализма самоуправления” (лучше сказать, просто структуры *самоуправления*, ибо речь прежде всего

шла об управлении на уровне рабочих мест и цехов) было ускорено, во-первых, в связи с началом „отмирания государства” в экономике, где начали передачу некоторых функций государства общинным и рабочим организациям, и, во-вторых, из-за возрождения элементов рыночной экономики, что вначале проявилось в преобразовании рабочих организаций в относительно автономных производителей товаров, самостоятельно планирующих объем и тип производства в соответствии с потребностями рынка. Однако вопрос о допустимой степени свободы рынка не был тогда решен и остается нерешенным по сей день. И сейчас вопреки некритическому восприятию „экономики свободного предпринимательства”, которое приписывают руководителю компартии Хорватии Бакаричу, когда закону стоимости придается всеобщее значение и он принимается как синоним самоуправления, некоторые экономисты, такие как Иван Максимович и Коста Михайлович, полагают, что неконтролируемый рынок может причинить вред и предприятиям и обществу в целом; его следует ограничить распределением товаров, но исключить из его действия размещение дефицитного капитала и рынок рабочей силы.

Другой характерной тенденцией 50-х годов, имевшей значение для последующего развития, было сокращение государственного административного аппарата путем реорганизации федеральных министерств. Это произошло в результате переосмысления социального планирования и замены его индикативным планированием (Синглтон), в отличие от жесткого централистско-бюрократического плана советского образца. Это было началом процесса децентрализации, который не следует смешивать с реальным лишением власти ее полномочий: государство по-прежнему сохраняет „длинные руки” и свою прежнюю мощь. В экономической политике произошел сдвиг от абсолютного примата тяжелой промышленности к производству предметов потребления, причем доля капиталовложений в тяжелую промышленность сократилась. Эти перемены в хозяйстве проявились и в политической структуре: в Скупшине был образован новый орган — Совет производителей для представления самоуправления на высшем уровне. Развитие промышленности происходило на протяжении всех пятидесятих годов.

Синглтон отмечает:

„Постоянный рост выпуска промышленной продукции в 50-е годы шел быстрее, чем в любой другой стране мира, будь то социалистическая Восточная Европа, капиталистическая Западная Европа или „третий мир“.¹⁶

Но рост происходил в основном за счет строительства новых заводов и крупных иностранных беспроцентных кредитов и помощи, нежели вследствие улучшения организации труда и более рационального использования ресурсов или же повышения производительности труда. Этот показатель повышался, но все-таки темпы роста отставали от роста занятости и уровня доходов, которые резко пошли вверх в этот период, обогнав на 24% рост общественного продукта и на 44% — рост производительности труда.

Что касается культуры, то в конце 50-х годов в стране начался „золотой век“ свободного творчества, продолжавшийся 10 лет. Началось это с провозглашения в новой программе партии (1958 г.) особой ценности человеческого творчества как двигателя общественного развития; одновременно были сняты догматические ограничения общественной мысли на основе следующего положения программы: „Ничто из созданного ранее не является настолько святым, чтобы его нельзя было заменить чем-то более прогрессивным, более свободным, более гуманным“.

Поэтому представляется правильным отнести начало „периода либерализации“ к 50-м годам, хотя полностью это проявилось в 60-е годы.

Однако в середине 50-х годов произошли события, повлиявшие на уже начавшийся процесс либерализации, особенно на его протекание за рамками экономической сферы.

В 1953 г., всего лишь через год после VI съезда, из верхних эшелонов партийного руководства стали раздаваться предостережения относительно слишком либерального толкования решений съезда: такие толкования, дескать, исходят из чрезмерной приверженности „буржуазным идеям“ парламентаризма и многопартийной системы как образцов демократии. Особенно ошибочным провозглашалось „неверное“ толкование тезиса о необходимости и возможности отмирания партии в

ходе „строительства социализма“. Эта идеологическая критика привела к исключению в 1954 г. М. Джиласа из партийного руководства и к понижению в партийной иерархии тех, кто принял слишком радикальную линию. Правда, чистка не была широкой, ибо Джилас и его идеи не имели заметной поддержки в партийной иерархии.

Резко замедлило политические и даже экономические преобразования и усилило неустойчивость и колебания примирение с советским руководством в 1956 г. Это произошло менее чем через десятилетие после разрыва. Хрущев сам прибыл в Белград, признав тем самым, что в 1948 г. СССР совершил ошибку. С одной стороны, это укрепило югославское руководство в гордом сознании своей смелости (ведь оно выдержало разрыв, сохранив независимость), но, с другой стороны, привело к пересмотру весьма критического прежде отношения к СССР и к собственному прошлому. Произошел явный возврат к прежнему идейному наследию, от которого высшее партийное руководство никогда не могло освободиться (в особенности это было заметно в последнее десятилетие жизни Тито¹⁷).

В следующее десятилетие (после первых шагов в теории и на практике по „югославскому пути к социализму“) необходимо отметить три важнейших события: серию экономических реформ; левое студенческое движение 1968 г. и VI съезд профсоюзов; и — рост национализма, который перевел процесс децентрализации в русло усиления национальных республик и создания закрытых республиканских хозяйств. Партийно-государственный аппарат реагировал на эти события в конце 60-х годов усилением политики „твердой руки“ „во имя спасения революционных и социалистических завоеваний“.

Внешней причиной проведения экономических реформ 1965 г. (им предшествовали меньшие по масштабам реформы 1961-1963 гг.) было замедление хозяйственного роста, а затем спад экономики. С одной стороны, это объяснялось нерешительностью во введении рыночного механизма и ограничениями действия хозяйственных законов, с другой — сохранением главенства государства и его политикой в сфере экономики. Этот период больше всего запомнился открытыми дискуссиями об импульсах и целях хозяйственных реформ, в особенности об

отмене государственного контроля над производственными планами, ценами и доходами. Иными словами, это время характеризовалось либерализацией экономики и широкой децентрализацией, а также заявками на реформы и в политической сфере.

Однако поскольку экономические реформы были отделены друг от друга, хозяйственные, а затем и политические последствия реформ 1965 г. вскоре проявились и в отрицательном смысле. Особенно это сказалось в росте цен на основные товары, в повышении стоимости уровня жизни. Это вызвало цепную реакцию увеличения доходов, не сопровождавшегося соответственным ростом производительности труда и общественного продукта. Введение принципа рентабельности предприятий привело к сокращению занятости и к резкому росту безработицы: в 1962-1970 гг. безработица дошла до 8%, а к 1982 г. она достигла 14% — самый высокий показатель в Европе. И это наряду с экономической эмиграцией в Западную Европу большого количества квалифицированной рабочей силы создало наиболее трудную проблему страны. Ориентация на рынок без создания механизмов, которые приспособливают случайные процессы рынка к нуждам планомерного развития самоуправляющегося общества, стремление войти в систему международного разделения труда без предварительных мер по защите независимого социально-экономического развития Югославии, — все это породило трудности, вызвавшие бунт левых студентов. Среди этих проблем — растущая зависимость от иностранной техники и проникновение в страну иностранного капитала; рост социального неравенства, принявшего форму классового расслоения общества; проникновение капиталистических отношений на „самоуправляющиеся предприятия” (дискуссия о введении акционерной прибыли для привлечения частного капитала югославских граждан) вместо улучшенной координации между производством средств производства и предметов потребления возникли структурные диспропорции; в результате сократилось накопление, и средства на накопление стали дефицитными; дезинтеграция экономики на республиканские хозяйства повлекла за собой недостаток средств на накопление, что препятствовало нормальному процессу воспроизводства, привело к созданию избыточных производственных мощностей и к

„дефектному” инвестированию, вызванному волной автаркических тенденций в республиканских экономиках.

Когда случайные рыночные процессы зашли слишком далеко, атомизированные рабочие организации оказались на перепутье между рынком — единственным фактором, их объединявшим, и государственным вмешательством. Поэтому, как отмечает Н. Попов,¹⁸ несмотря на стремление к неуклонному расширению компетенции органов самоуправления на предприятиях, рабочее *самоправление* осталось „в тени государства”. Во-первых, доля предприятий в капиталовложениях постоянно ограничивалась (по данным Н. Попова, она составляла менее половины капиталовложений государства и банков), а значительная часть доходов изымалась через многочисленные налоги (федеральные, республиканские и местные) — самоуправляющиеся предприятия должны платить 27 видов налогов; во-вторых, отрицательные последствия неконтролируемых рыночных процессов вызвали необходимость государственного вмешательства. Один югославский экономист верно отметил, что реформы были „плохо распределены во времени”: они не смогли решить вопрос об отношениях между планом и рынком. Государственное вмешательство стало необходимым, его нельзя было рассматривать как волюнтаристские эксцессы.

Несмотря на все описанное, Д. Русинов¹⁹ правильно характеризует это время как период „социализма свободного предпринимательства”, ибо линия, отстаивавшая эту концепцию, победила на VIII съезде партии (1962 г.), и с помощью близких к партии экономистов была теоретически разработана идея „рыночного социализма” с „социалистическим товарным производством”, а также теория „отношений, основанных на доходах”, которые, как предполагалось, должны сменить отношения, основанные на различиях в заработной плате.

Все это привело к переменам в социальной структуре: особенно укрепились средние слои и возросло социальное неравенство, которое идеологически обосновывалось борьбой с уравниловкой, признанной несовместимой с принципом оплаты по труду.

Событием в политической области в тот период стала конституция 1963 г., которая расширила сферу рабочего само-

управления до степени *общественного самоуправления* (распространив его на здравоохранение, социальное обеспечение, просвещение и культуру). Тогда же сформировалось движение неприсоединившихся государств, принципы которого легли в основу югославской внешней политики. Для этого периода характерна большая открытость по отношению к Западу, расширение обмена идеями, товарами и людьми (в особенности в связи с отъездом ищущих работу за границей). Немаловажным обстоятельством стал рост недовольства республик их положением в федерации и их стремление к большей независимости (тезис об эксплуатации Хорватии стал лозунгом национального „массового движения” 1971 г.).

В области культуры 60-е годы были наиболее плодотворным периодом. Искусство и литература отличались многообразием форм; широкий спектр идей выдвигался в философии, процветали общественные науки. Хотя для них марксизм по-прежнему был источником и пределом вдохновения, все же получила развитие творческая и критическая линия в марксизме. Журнал „Праксис” и летняя школа в Корчуле, где ежегодно собирались левые философы со всего мира для открытых дискуссий о проблемах марксизма и социализма, стали главными выразителями свободы творчества того периода. В художественной литературе, где принцип „социалистического реализма” был отброшен, так и не успев укорениться, шло соревнование между традиционалистами и модернистами.

Однако уже в 1962 г. Тито предостерег ЦК, заявив, что процесс либерализации зашел слишком далеко. В 1968 г., когда достигли пика волнения студентов Белградского университета, такие предостережения стали повторяться чаще, и начались поиски козлов отпущения, которые завершились отстранением от работы восьми профессоров факультета философии и преподавателей других высших учебных заведений.

1968 г. стал решающим годом послевоенного периода — партийная элита решила прекратить либерализацию. Именно тогда произошли события, на первый взгляд, между собой не связанные, но сходные по намерениям участников. Они были выражением открытого недовольства результатами реформ, методами их осуществления и их ограничениями. Это была

реакция югославского общества, в котором бюрократия сумела отстоять свои позиции, приостановить процесс демократизации и помешать последовательному проведению идей самоуправления. Сначала недовольство выразили массы студентов и преподавателей Белградского университета (события июня 1968 г. обычно называют студенческим движением, что верно лишь отчасти, ибо его поддерживала большая часть преподавателей, которые присоединились к студентам). Вначале к ним стихийно примкнули белградские рабочие, но объединение студентов и рабочих на совместном митинге в зале философского факультета было пресечено силой. Позднее состоялся VI съезд профсоюзов, на котором делегаты призвали к созданию нового профсоюза с более широким представительством рабочих и к свободным выборам (с тайным голосованием и строгим соблюдением принципа ротации). Эти события показали, что партийный аппарат может утратить лидерство в политике. Возможных трагических последствий вооруженного подавления студенческого движения удалось избежать благодаря тактичному согласию с требованиями студентов — уважать принципы самоуправления, сократить социальное неравенство, критически пересмотреть тенденции возрождения капитализма и т. д. Фактически, однако, уже имевшаяся система самоуправления в университете была ликвидирована и „для защиты интересов общества” был введен партийно-государственный контроль над выборами профессоров и приемом студентов.

Начавшееся в Хорватии национальное движение стало последним предлогом для прекращения либерализации. Одним выстрелом были убиты два зайца: партийные чистки начала 70-х годов прошли и по „массовому движению” в Хорватии и по „либералам” в Сербии, которые якобы поддерживали технократов.

Так 70-е годы стали временем расчетов с идеями и практикой „этапа либерализма”, в противоположность середине 60-х годов — времени расставания с „консерваторами”: тогда из партийного руководства был удален представитель „жесткой линии” А. Ранкович. Национализм и либерализм были использованы как поводы для ужесточения партийной дисциплины (это началось в 1972 г. письмом Тито к членам партии с призы-

вом вернуться к „ленинским принципам“) и восстановления партийного контроля над обществом. „Новый курс“, начатый в то время, можно охарактеризовать как „антиреформистский“ (Русинов), в нем преобладали тенденции к восстановлению этатизма и бюрократии в хозяйственном управлении, которое переместилось теперь в республики: федерация быстро переставала функционировать как орган координации.

Отличительным признаком этого времени было усиленное внимание к проблемам государственной власти на уровне республик, так как республики и края стали реальными центрами власти. В отличие от децентрализации 50-х годов, которая противостояла этатизму, децентрализация федеральной власти в 70-е годы означала восстановление этатизма, но на уровне республик, и не имела ничего общего с расширением демократического процесса принятия решений. Полицентризм означал не расширение автономии *единиц самоуправления*, а усиление их зависимости от республиканских властей: стало больше полугосударственных звеньев, скрытых за термином „самоуправление“. Примером могут служить созданные „самоуправляющиеся общины с особыми интересами“ и провозглашение в конституции 1974 г. республик и краев „высшими самоуправляющимися общинами“, государственная власть которых фактически усилилась.

Подавив левые и национальные движения, проведя чистки партии, партийное руководство вновь утвердило контроль над всеми общественными процессами, заявив, что „либерализация“ привела к отрицательным результатам в экономике и политике, и партия должна была „защитить завоевания революции“. Действительной причиной возврата к политике „сильной руки“ было углубление дезинтеграции в обществе и угроза утраты партийного контроля над обществом: распространение свободы угрожало разрушить дело „строительства социализма“, все еще основанное на однопартийном правлении и монополии власти.

„Новый курс“ 70-х годов восстановил методы партийного контроля, но в новом обличье. Таковы были перемены в системе выборов — переход от прямых выборов к системе „делегатов“. Как ни парадоксально, но она была провозглашена „высшей

формой прямой демократии“, тогда как на самом деле это была хитроумная система фильтрации, обеспечивающая выборы партийных кадров на важные общественные посты. Чтобы приглушить противоречия, возродили сталинистскую систему „номенклатуры“ во имя „спасения единства страны“ и удержания демократии в рамках официальной идеологии; были снова введены методы марксистской индокринации, когда она уже стала анахронизмом, ибо в процессе либерализации были достигнуты большие успехи в развитии науки и культуры.

В области экономики реформы принесли скорее отрицательные, чем положительные результаты, хотя некоторые экономисты считают, что это объясняется непоследовательностью как в планировании реформ, так и в их осуществлении. Это проявилось и в падении темпов роста (до 6,3% в 70-е годы), и в росте инфляции, которая в 80-х годах достигла 30% — самый высокий показатель в Европе. Безуспешными оказались попытки преодолеть неравенство в развитии районов страны. Резко возросла внешняя задолженность страны: в 1976-1980 гг. она утроилась и теперь погашение процентов по долгам поглощает 10% общественного продукта. Сократилась способность хозяйства к накоплению: норма накопления снизилась с 25—27% в 1962-1963 гг. до 11—12% в 1974-1975 гг. Ресурсы личного потребления в 1980 г. упали до самой низкой точки (35,6%), резко возросло внеэкономическое потребление (согласно оценке экономиста И. Максимовича). И все же автономия предприятий продолжала расширяться, во всяком случае, в сфере распределения доходов: в 1985 г. доля предприятий в чистом национальном продукте составляла уже 2/3, хотя производство продукта было ограничено налогами, которые предприятия должны были уплачивать независимо от их нужд, включая расходы на расширенное воспроизводство.

Все эти перемены осуществлялись во имя демократизации и создания интегральной системы самоуправления. Было создано еще одно звено — первичная организация ассоциированного труда (ПОАТ). Эта ассоциация была задумана как низовой двигатель самоуправления в области труда и фактор интеграции. Практически получилось, однако, что организации ассоциированного труда оказались еще более атомизированными и разобщен-

ными, так как прежде единая рабочая организация была теперь разделена на бесчисленные первичные организации, что еще более обострило борьбу частных интересов. Так на всех уровнях возобладала дезинтеграция, отсутствие единой политики и планирования в хозяйстве, отсутствие единого рынка, разобщение рабочего класса и интеллигенции, антагонизм национальных бюрократий. Все это эвфемистически называлось „разнообразием интересов в сфере самоуправления”.

Эти противоречия в сочетании с низким уровнем жизни большинства рабочих погасили энтузиазм, вызванный введением самоуправления. Рабочие все меньше стремились участвовать в рабочих советах прежде всего потому, что им приходится прибегать к помощи „второй экономики” для поддержания своего жизненного уровня: семьи рабочих низшей и средней квалификации, где работает, как правило, только один человек, особенно страдают от повышения стоимости жизни, да и размер этих семей уступает лишь крестьянским семьям. Тем временем увеличилась численность менеджеров и возросло влияние этой прослойки; менеджеры вытеснили производителей из органов самоуправления.²⁰

Рабочие чувствовали, что их мнение все меньше значит в определении политики предприятия. По данным исследования Арзенсека, в 1976 г. заявили о своем ощущении несправедливости 64% из них, а в 1977 г. — уже 82%.²¹ У рабочих сознание, что они фактически не участвуют в самоуправлении, было значительно сильнее, чем у управляющего персонала и директоров (в соотношении 57:32:23).²² Это разочарование рабочих подтверждается забастовками, которые начались еще в 1958 г. и с тех пор происходят постоянно.²³

Таким образом, фактическая структура власти на предприятиях изменилась в пользу рабочего самоуправления, хотя положение рабочих в Югославии отличается и от их места на капиталистических предприятиях и при централизованном управлении в обществах советского типа. Отличие в том, что институты самоуправления создают для рабочих не только теоретические, но и реальные возможности, если их конституционные права соблюдаются в ПОАТ (хотя последние ограничены только низовыми уровнями). Однако рабочие часто не знают своих

прав, и им трудно с ними ознакомиться хотя бы потому, что югославская конституция — одна из самых длинных и запутанных в мире. Беспрерывно растет число установлений на местном уровне, так что становится невозможным следить за разбухающей системой нормативных актов.

В области культуры 70-е годы были наиболее бесплодным периодом послевоенной истории страны, с некоторыми исключениями в литературе и коротким расцветом кинематографии. Особенно пустыми были эти годы в философии и общественных науках. В ряде областей прошли чистки, а в других люди замолчали, чтобы избежать той же участи. Пресса и прочие средства информации стали особенно сервильными, ибо „общественный критицизм” считался нежелательным, если он не шел с самых верхов. Атмосфера апатии резко усилилась к концу 70-х годов, во время длительной болезни Тито, когда искусственно созданная неопределенность поддерживалась постоянно задаваемым вопросом: „Что же будет после Тито?”

Страх был достаточно обоснованным, ибо сразу после смерти Тито произошли важнейшие события нынешнего десятилетия — волнения в Косово в 1981 г. и обострение экономического кризиса, который по существу был отражением глубокого социального кризиса. В 1983 г. экономический рост упал до нуля, резко возросла безработица, ускорилась инфляция, сократились реальные доходы на душу населения (на 7,5% в 1981 г.). Огромный внешний долг усилил зависимость Югославии от Запада как никогда ранее, так что экономическая политика должна была в первую очередь заниматься улучшением платежного баланса, а не решением внутренних противоречий хозяйственной системы, что потребовало бы разработки перспективной политики.

Однако кризис пробудил от долгого сна общественное сознание, прежде всего критически мыслящую интеллигенцию и прессу. Волнения в Косово показали, что сокрытие информации, цензура в отношении тематики и проблем общества создает почву для разобщения и антагонизмов, что и произошло в 80-е годы. Был снят запрет обсуждения насущных проблем. Слово „кризис” опять вошло в обиход (ранее употреблялся эвфемизм „трудности”), и это открыло поле для дискуссий в печати и на

собраниях о корнях кризиса — являются ли его причины экономическими, социальными или политическими. После десятилетия глубокого молчания страна стала ареной стихийного взрыва общественной критики, не направляемой политической элитой. Сама элита разделилась на желающих сохранения статус кво и на тех, кто осознал угрозу кризиса. Последние поощряли политику демократизации, надеясь, что в поисках путей выхода из кризиса руководящую роль партии удастся сохранить.

На первый взгляд представляется, что все мифы развеяны и нет ничего „священного“, не подлежащего критическому анализу.

Но партийное руководство, несмотря на раскол в его рядах и опасения перед его расширением, с высоты своего трона продолжает осуждать прессу за критические выступления еще строже, чем раньше (телевидение находится под гораздо более жестким контролем) и предостерегает, что „авангард“ не потерпит навязываемого ему „партнерства“ прессы и ее претензий на роль „общественной совести“. Партийная элита еще более настойчиво осуществляет контроль над государственными средствами информации и в сфере просвещения (в 70-е годы марксизм вновь стал обязательным предметом на всех уровнях обучения), над литературой, наукой и театром: чаще стали снимать пьесы с репертуара по идеологическим мотивам, участились случаи запрета книг за „общественный вред“; усилилось преследование „политических преступников“, в особенности за „ошибочные взгляды“, участились политические процессы.

Даже краткий очерк показывает, что сложившуюся в Югославии структуру и ее элементы нельзя принимать по их „номинальной стоимости“. Кажущаяся непрерывность линии на развитие *самоуправления* иногда скрывает, а временами явно обнаруживает зигзаги в этом движении. „Плюрализм“, хотя это и не просто фасад для прикрытия монолитной идеологии (ее не существует) и единой политики партии (есть несколько политических линий), все же обнаруживает, что власти стремятся всеми силами поддержать „единство“ в ленинистском смысле — как ценностный принцип. Вот почему до сих пор невозможно представить образование фракций в партии, хотя партии республик нередко ведут себя как политическая оппозиция.

До сих пор мы описывали, но не объясняли процессы развития югославского общества и результаты этих процессов. Рассмотрим теперь факторы, которые определяли ход развития и вызвали нынешний кризис. Для ответа на вопрос о выходе из создавшегося положения, мы должны учесть основные противоречия югославской системы.

3. Противоречия и основные черты югославской системы самоуправления: концептуальная путаница и ее практические последствия

Принято говорить о разрыве между замыслами и реальностью, когда речь идет о странах „реального социализма“. Можно подумать, что замыслы совпадают с „коммунистической идеологией“, а реальность отлична от нее. Такое заключение ошибочно и в отношении „реального социализма“, и в отношении „югославского пути к социализму“, ибо при этом предполагается, что концепция сама по себе правильна, а все дело в ее осуществлении. В отношении „реального социализма“ такое заключение неверно, потому что сталинизм как идеология (достаточно точно воплощенная в практике) не идентичен идее социализма. В отношении „югославского пути к социализму“ можно считать концепцию удовлетворительной, но лишь номинально. Тезис политической элиты, что модель хороша, но ей не следовали в точности, лишь скрывает реальные проблемы, связанные с *неразрешенными внутренними противоречиями самой модели*. Это не означает, что нет противоречий между системой норм и практической политикой. Но не в этом главный вопрос — дело в противоречивости самой основы отношений в югославском обществе. Оно является результирующей различных элементов, сосуществующих внутри системы; важнейшие из них — противодействующие друг другу факторы экономики и социальной структуры, несовместимость главных политических институтов партийно-государственного аппарата с рассредоточением политической власти на микроуровне, разрыв между конституционно установленным принципом автономии личности, общественных групп и рабочих звеньев и навязанной им гетерономией,

которая усиливает их зависимость от внешних институтов, вместо того, чтобы расширять их независимость и свободу действий.

Именной в такой перспективе следует рассматривать возможности социальных перемен, начатых в стране в 50-е годы. Нерешительно проводимая и слабо разработанная концепция могла и не воспрепятствовать полному преобразованию югославского общества в постсталинистский период; но в действительности возникла система-гибрид:²⁴ и концепция едва намечена, и осуществлена непоследовательно. А между тем, именно она должна была стать символом процесса десталинизации в Югославии.

Чтобы раскрыть направление социальных перемен в югославском обществе и понять природу современной югославской системы, рассмотрим характер основных социальных отношений, социальную структуру, на них основанную, и проблемы, которые она создает (и решает), а также возможности развития провозглашенной модели самоуправления.

Основные социальные отношения определяются следующими элементами: а) преобладающей системой собственности и правоотношений собственности, определяемых этой структурой; б) реальной структурой власти и степенью ее перемен, учитывая, что исходным состоянием была абсолютная власть „партии-авангарда” (авторитарный тип власти); в) степенью демократизации главных институтов и механизмов принятия решений (в случае Югославии важно преобразование классических форм отправления власти в форме самоуправления). Рассмотрим происходившие перемены именно в этом порядке.

1. Основная перемена форм *собственности* касается юридического определения господствующей формы собственности на средства производства. Она определена как общественная, а не государственная собственность, что более принято в обществах советского типа. Но практического отличия тут нет, оно имеется лишь на теоретическом уровне. Распоряжение средствами производства и общественным продуктом остается прерогативой государства, хотя по конституции оно такого права лишено. Частое вмешательство государства в экономическую политику является неотъемлемым элементом системы, не просто отклонением, а подлинным контролем типа „стоп-пошел” (по определению Алека Нова).²⁵

Таким образом, общественная собственность — это или государственное пользование, чему нет юридического обоснования, или групповая собственность на уровне предприятия, что является дроблением общественной собственности (хотя государственное пользование собственностью тоже обнаруживает тенденцию к дроблению в результате стремления республик и автономных краев овладеть национальной собственностью), впрочем, такая форма дробления прикрывается лозунгами о необходимости „защиты национальных интересов” в широком понимании. Поэтому можно говорить о двойственном характере „общественной собственности”, которая на практике осуществляется в двух юридически необоснованных формах: государственное пользование на макроуровне и „групповое владение” на микроуровне. Следовательно, юридически определенная форма собственности еще не стала действительным правоотношением.

Отсюда и многократно отмеченная сложность в определении основных социально-производственных отношений в югославском обществе. Основа социальных отношений характеризуется имманентным противоречием института общественной собственности, поскольку *нет юридически определенного субъекта собственности* — ни личности, ни группы, ни института: „общество” — носитель права собственности. „Общественная собственность” превращается в „не-владение”, а бесконтрольное распоряжение „общественной собственностью” становится феноменом структуры, ибо общество, будучи абстракцией, не может быть ответственно перед кем-либо за решения, принимаемые относительно собственности. Государство выступает как единственный субъект собственности, так как на макроуровне никакого иного держателя собственности нет. Отсюда основное противоречие — „двойственность субъекта владения”.²⁶ Иными словами, хотя „общественная собственность” определяется как основное общественное отношение, югославская модель не утаивает соответствующей формы производственных отношений, которые дали бы возможность перейти от статической модели собственности к формам коллективной собственности, обеспечивающим регулирование и контроль со стороны общества (точнее, саморегулирование и самоконтроль).

Получается, что государственная собственность, декларативно отмененная как основное отношение, на самом деле сохраняется в важнейших областях экономической жизни: это сказывается в принятии решений о распределении прибавочного продукта, накоплений и капиталовложений и в передаче права распоряжения собственностью другим центрам власти, что по существу прекращает процесс социализации в смысле, определенном конституцией. Более того, конституция 1974 г. поощряет дробление „общественной собственности”, ибо это создает „децентрализованную общественную собственность” на уровне республик и краев, по существу усиливая административно-бюрократический контроль над собственностью. В результате такой „де-статизации”, первоначально задуманной для децентрализации федеральной собственности и замены „более тяжелого государственного управления *самоуправлением*”, по определению Э. Комиссо,²⁷ возрождается государственная собственность, только на уровне республик, где усиливается власть национальных политических элит.

Ограниченность прав рабочих коллективов на принятие решений относительно средств производства и продукции своего предприятия показывает, что обобществление собственности носит скорее нормативный характер из-за противоречия в самих предпосылках. Предполагается, в частности, что государство может быть одновременно и главным организатором процесса производства, и законодателем, который определяет степень, темпы и способы собственной отмены, который предоставляет низовым органам самоуправления автономию ограниченными дозами, но никогда до такой степени, чтобы функция государства как политического арбитра не стала ненужной. Поэтому производители обладают на самом деле очень малой властью над „общественной собственностью”, несмотря на провозглашенную цель „поставить под контроль производителей доходы ими создаваемые”. Поэтому производители, отражая интересы своей группы, находятся в состоянии самообороны против государства, против постоянного увеличения изымаемой посредством многочисленных налогов доли прибавочного продукта.

Но такая форма дробления „общественной собственности” одновременно подрывает возможности государства осуществлять

суверенный контроль над средствами и продуктами производства, создавая, как отмечает Комиссо,²⁸ „вакуум власти”: государство присутствует на экономической сцене, но не в состоянии сформулировать экономическую политику.

Анализ структуры общественно-производственных отношений показывает, что социальная база самоуправления слаба и дисфункция институтов самоуправления структурно обусловлена. Исходя из этого анализа, можно установить, кто от кого зависит в югославском обществе: административные институты — от тех, кто создает ценности и официально является основным субъектом в принятии решений относительно общественного богатства, или как раз наоборот: производители ценностей служат институтам власти. Поскольку власть распоряжаться и управлять сосредоточена у единственного „субъекта” — государства, налицо обратная зависимость: производители ценностей зависят от тех, кто живет за счет их труда, хотя самоуправление исходит как раз из обратного принципа.

Следовательно, не только декларации о самоуправлении как о господствующей форме общественных отношений противоречат реальному соотношению сил в обществе, но и сами эти отношения препятствуют развитию провозглашенной формы отношений.

Этот вывод Комиссо правилен. Вместо постепенного отмирания политических функций государства в области экономики, оно стремится усилить свое господство, обладая при этом все меньшими реальными возможностями регулирования социального и хозяйственного развития и выполнения необходимых административных функций. Как замечает югославский политолог С. Инич, „государство присутствует там, где оно не нужно, но его нет тогда, когда оно нужно”. Первое особенно заметно на уровне республик, где существует тенденция к сосредоточению хозяйственных функций в руках государства, и все чаще происходит его вмешательство в сферу культуры. Второе более заметно на федеральном уровне, где функции становятся все более символическими вследствие неспособности федеральных органов стать звеньями интеграции в сложном и многообразном переплетении различных народов и культур. Так ослабленные связи конфедерации сменяют конституционную форму правления — федеративную.

Другой аспект координации, отсутствующей на макроуровне, — социальное планирование, которое превратилось просто в „наметки”, никого ни к чему не обязывающие и чаще всего нарушаемые теми представителями „общества” (точнее, республиками), которые должны эти обязанности выполнять в соответствии с так называемым соглашением о самоуправлении. Постоянное колебание между планом и рынком — ловушка, в которую непрерывно попадает югославское общество не только из-за отсутствия четкости в определении экономической политики, но и вследствие изменений соотношений сил. Происходят постоянные столкновения между сторонниками бюрократической организации общества, которые признают лишь централизованное бюрократическое планирование, и теми, кто отрицает планирование вообще и отстаивает абсолютный характер законов рынка. Эти столкновения отражают конфликт интересов общества и тех, кто желает сохранить существующие или создать новые опоры власти, и лишь препятствуют решению вопроса о соотношении плана и рынка.²⁹ Эта борьба структурно обоснована, ибо у производителей нет иного выбора, нежели вести себя в духе частных интересов рыночной конкуренции, а это повод для новых актов государственного вмешательства и отодвигает на неопределенный срок создание иной, демократической концепции планирования. Экономист И. Максимович объясняет это блуждание в лабиринте тем, что существующая институциональная структура основана на „разнородных предпосылках и не отрегулирована ни институционально, ни функционально”.³⁰

Реальное разделение власти в югославском обществе тоже сложилось неудовлетворительно, хотя структура власти отличается от советской модели. И перемены, и их ограничения шли как по линии децентрализации, так и по линии отступления от партийных реформ.

Хотя монополия государства не является более абсолютной, ибо вместо централизованного федерального государства сложились восемь республиканских центров власти, конечным результатом „перераспределения власти” является всего лишь „бюрократический плюрализм”, с одной стороны, и автоматизация, а потому и ослабление власти на низовом уровне — с другой.

Изучая генезис процесса децентрализации, можно заметить, что этот процесс не был однородным на протяжении всей истории осуществления югославской модели, ибо она сама менялась, и шел зигзагами. Кривая децентрализации (в смысле демократического отправления власти) пошла вниз в 70-е годы — происходит простое умножение центров государственной власти и „ре-этатизация” реальной власти, что создало серьезную угрозу дальнейшей институционализации самоуправления.

Децентрализация, усилив этактистские тенденции, в течение последнего десятилетия разрушила естественные связи между отдельными элементами югославского общества и привела к созданию конкурирующих центров государственной монополярной власти. Такой полицентризм не дал, однако, радикальных структурных перемен власти: образовались несколько ее центров, но характер ее не изменился.

Этот результат децентрализации — ре-этатизация, а не отмена политической власти государства — обусловлен гетерогенностью модели, стремящейся примирить непримиримое. Это следствие нежелания демонтировать старую модель и построить новую на совершенно иных предпосылках, а не „исправлять” и „реорганизовывать” систему, которая по самой своей сути связана со старой моделью.

Таким образом, государственный аппарат по-прежнему сохраняет привилегию „даровать” и отнимать у других субъектов собственности право на принятие решений, закрепленное конституцией 1974 г., которая дает республикам право отменять решения нижестоящих самоуправляющихся звеньев, если в результате этих решений „общественные интересы оказываются под угрозой”. Полицентризм, имеющий лишь одно измерение (государственная власть), поддерживая монополию государственной власти в республиках и краях, приводит к тому, что государство становится „властью без силы”. Ибо наряду с разделением власти, существует прямо противоположная тенденция, выражаемая идеей „автоматизма экономики”, которая регулируется „автоматизмом рынка”.³¹

Находясь между двумя крайностями — политической тенденцией к усилению этактизма и „экономической философией”, основанной на автоматизме рынка, децентрализация дает вдвойне

отрицательный эффект. С одной стороны, „полицентристский этатизм” работает на неэффективное государство; с другой, — происходит автоматизация и дезинтеграция общества, что требует ретатизации, ибо национальные республики становятся единственным фактором интеграции. Круг замыкается.

В самой структуре власти, порождающей бессилие всех субъектов власти и управления, заложена возможность возникновения и функционирования неформальных центров власти, что явственно обнаружилось в 80-е годы, особенно после смерти Тито, когда „верховный арбитр” был сменен „коллективным руководством” с годичным сроком пребывания у власти. Сложилось неписаное правило, что властью обладают неформальные группы вне существующих институтов власти и управления, состоящие из партийных руководителей на местах и наиболее влиятельных лиц делового мира; они решают кадровые вопросы, вопросы ротации (идушие, как правило, по горизонтали или по кругу), капитальных вложений, соглашений с другими республиками и т. д. Именно отсюда исходит самое упорное сопротивление демократическим реформам в политике, ибо это чревато подрывом их положения закулисных фактических правителей. Двойственность такой модели власти, по А. Мейстеру, состоит в том, что власть и ответственность не объединены.³²

Кроме того, характер управления в системе югославского общества определяется однопартийностью управления. Как уже было сказано, основным результатом попыток более глубоких реформ в партии оказалось отделение партийных учреждений от государственного аппарата, в первую очередь, на персональном уровне. Ни последующее разделение СКЮ на республиканские и краевые партии (каждая со своей концепцией развития), ни децентрализация федерального управления не способствовали продвижению по пути демократизации. Напротив, в автаркических потугах республиканских властей противопоставить себя федерации и другим республикам партийные и государственные аппараты на местах вновь объединились.

Получилось, что преобразование однопартийной системы в „систему без партии” (термин Карделя³³, который противопоставляет таким образом югославскую систему классической буржуазной многопартийной системе) — это скорее идея, нежели

теоретическое толкование сложившейся реальности. „Плюрализм интересов самоуправляющихся единиц” указывает на реальную конфронтацию и конфликты экономических (и, соответственно, политических) интересов. Но этот термин был прежде всего использован для сокрытия необходимости более широкого плюрализма, выходящего за пределы экономики. Он оправдывал пресечение дискуссии о противоречиях между либерализацией в экономике (где было дозволено рассуждать о плюрализме интересов) и структурой политической власти, где доминирует партийная элита, которая запрещает (используя при этом статьи уголовного кодекса) выражение политического и идеологического плюрализма и их практические проявления, т. е. свободу мысли, слова и объединений. Единственная кроме партии политическая организация в Югославии — Социалистический союз, который должен представлять „разнообразие” политико-идеологических интересов. Однако этот Союз существует лишь на бумаге: это всего лишь форумы, которые принимают декларации о демократизации политической жизни, никак не влияющие на политическую практику. Верно отмечает С. Вудворд, что „политическая игра ограничивается рамками партии”.

Конституция 1974 г. определяет СКЮ как „ведущую силу общества”. В конституции явно подразумевается СКЮ, когда в ней утверждается, что только „субъективные силы” могут обеспечить „построение социализма” (хотя партия и не определяется как единственная такая сила). Постоянно проводимые кампании против „внутреннего врага”, особенно усиливающиеся, когда стремление к демократизации политической жизни стихийно разрастается, подтверждают, что СКЮ не избыл ментальности, унаследованной от однопартийного правления. Это ставит под вопрос возможность подлинной демократизации, которая немислима без свободы мысли, слова и объединений. Несмотря на новые термины и тезисы (вроде карделевского), не решена проблема, как примирить экономические реформы, основанные на либеральных экономических отношениях, с сопротивлением политическим реформам, грозящим верховенству единственной политической власти (ведь такая власть становится анахронизмом, когда провозглашается самоуправление). Существующая политическая структура, основанная на монополитической иерархии, сопротивляется самоуправлению, ибо оно предполагает много-

валентную структуру власти, равномерное ее распределение на низовом уровне и по вертикали.

Итак, несмотря на постепенную дебиюрократизацию и на хоть и непоследовательную, но все же проведенную в стране демократизацию управления, а также несмотря на конфликты, вызванные умножением центров власти, адекватным определением существующей в стране структуры власти остается „правящая партия”, ибо все решения должны быть одобрены партийным руководством, прежде чем они примут силу закона. Нельзя говорить об истинной автономии других субъектов, так как согласие с „партийной линией” — единственный критерий политически правильного и допустимого поведения.

Поскольку партия — по-прежнему **единственная** признаваемая законом политическая сила, важно раскрыть, кого она представляет.

Согласно статистическим данным, структура СКЮ не отличается от структуры компартий других стран Восточной Европы: и в СКЮ доминируют средние слои и функционеры, тогда как доля крестьян и рабочих непрерывно снижается.³⁴ Следовательно, несмотря на официально провозглашаемый принцип „рабочего большинства” и периодические кампании по вовлечению в партию рабочих, нынешний состав СКЮ вряд ли позволяет называть ее „рабочей партией”.³⁵ Тем не менее официальные декларации продолжают провозглашать „авангардную роль партии”, как если бы она наиболее последовательно представляла интересы рабочих, хотя даже в официальных документах признается, что внутри партии национальные антагонизмы превалируют ныне над главными целями рабочих.

По этим причинам СКЮ не может сегодня выполнять даже функцию интегрирования, которая до недавнего времени была главным доводом в пользу признания „ведущей роли партии”. Становится очевидным, что самозванная „авангардная роль” прикрывает борьбу за сохранение статус кво и господствующего положения политической элиты (причем внутри нее самой борьба за власть приобретает все более явные формы). Арсенек оценивает ситуацию следующим образом: „Противоречия структуры и принципов в Югославии реализуется

в политической системе партийного партикуляризма, то есть как „децентрализованный вариант однопартийной системы”³⁶

Для развернутого ответа на вопрос, что случилось с провозглашенными в 50-е годы ограничениями тоталитарного контроля партии, не было ли это лишь пустой декларацией, следует рассмотреть те области общественной жизни, где перемены наиболее заметны. Если сравнить югославскую систему с советской, то, пожалуй, можно сказать, что в Югославии произошло „отмирание партийного контроля” в сфере литературы и искусства. Ленинский принцип „партийности” был снят. Несмотря на периодические попытки оживить его, в существующей обстановке невозможно подчинить ему культуру страны. Это не означает, что партийный контроль прекращен и отброшены политико-идеологические критерии в оценке художественного творчества, но это не определяет направления творческих процессов в стране, за исключением тех случаев, когда художник сам принимает „партийность” как эталон своей работы. Впрочем, и здесь не следует исключать случаев самоцензуры, к которой прибегают многие художники, чтобы избежать административных санкций или просто облегчить своим произведениям путь к публике.

В отличие от литературы и искусства, которые дальше всего продвинулись по пути самоосвобождения от идеологических требований, философия и общественные науки остановились на полпути. Тому есть две причины: связь между творчеством и идеологизированным мышлением в этих областях сильнее, чем где бы то ни было, и поэтому партия особенно заинтересована в удержании этих областей под более жестким контролем и партийные идеологи больше вмешиваются в эту сферу, чем в литературу и искусство. Отсюда серьезные колебания границ свободы творчества в философии и общественных науках, тогда как в искусстве и литературе свобода творчества начиная с 50-х годов постоянно расширялась.

Вслед за рассмотренными, ожидают своей очереди следующие вопросы: действительно ли самоуправление является **основным ориентиром** общественного развития для различных субъектов власти и стало ли самоуправление **основным видом общественных отношений** в социально-экономической и политической жизни Югославии?

В югославском обществе сохраняется глубоко укоренившийся предрассудок, который пока никто еще не решился затронуть: что все носители власти и подавляющее большинство населения полностью разделяют цели общества самоуправления (как определяет Мейстер, „самоуправление обратилось в культ“). Бытует убеждение, что в этом вопросе нет сомнений и колебаний, ибо ориентация на самоуправление — особая черта югославской концепции социализма. При более внимательном рассмотрении выявляется, что самоочевидность и ясность в этом вопросе — лишь кажущаяся и нередко прикрывает путаные и противоречивые толкования проблемы. Необходимо поэтому вскрыть, что лежит за этим „общим согласием“. Было бы неверным признавать лишь одну дихотомию — между „самоуправлением“ и „антисамоуправлением“, ибо это на руку лишь тем, кто „общим согласием“ и „нерушимостью общих интересов“ прикрывает свои частные интересы. За этим обнаруживаются лица хамелеонов — многочисленных защитников самоуправления, у которых общее только одно — термин „принцип и ценность идеи самоуправляющегося организованного общества“, который используется для прикрытия политики, преследующей их особые интересы.

Защищая саму идею самоуправления, нельзя просто отбросить тезис „самоуправление привело к кризису“, ибо кризис югославского общества возник вследствие определенного толкования идеи самоуправления, которое в течение многих лет поддерживали власти весьма высокого уровня.

Краткий обзор толкований термина „самоуправление“ свидетельствует, что определенные явления и процессы могут ложно истолковываться именно потому, что не проводится разграничение между часто несходными значениями этого термина.

Концепция самоуправления прошла в Югославии несколько этапов преобразования: от толкования рабочего самоуправления в духе Парижской коммуны до его толкования как „производственной демократии“, сосуществующей с классическими формами власти (государственной или парламентской).

Понятие „самоуправление“ толковалось по-разному, но было два основных толкования, которые имеют своих сторон-

ников в правящей верхушке. Это, во-первых, концепция „государственно-социалистического“ варианта самоуправления, согласно которой самоуправление — лишь приложение к партийно-государственной власти, обеспечивающее демократизацию управления на микроуровне, но не меняющее сложившейся политической структуры. Это патерналистски „дарованное самоуправление“, когда решение о типе и пределе автономии, предоставляемой общественным звеньям, зависит от тех, кто „в седле“. Иными словами, самоуправлению „под шефством партии“ и недремлющим оком партийно-государственного аппарата не дозволено будет зреть и развиваться по-своему, оно должно оставаться под покровительством действительных властителей, которые одни решают, соответствует ли данная степень самоуправления „целям общества“. Другая концепция выглядит как противоположная первой, но в действительности она сочетается с ней, ибо ее идея — воспроизведение сложившейся структуры власти, хотя и под иным знаменем. Согласно этой концепции, самоуправление развивается путем расширения поля деятельности неполитических партнеров (главным образом, менеджеров и специалистов), обеспечивая таким образом их поддержку „генеральной линии партии“, нацеленной на разрушение централистского типа управления. Эта концепция находит сторонников среди политических лидеров, считающих либерализацию законодательства непременным условием развития самоуправления в надежде, что они станут арбитрами в море разобщенных *единиц самоуправления*. Эта концепция, провозглашая „рыночный социализм самоуправления“, превращает одно из условий победы над централистским управлением в единственное ее условие и универсальный эталон *самоуправления* вообще. Однако эта „фетишизация рынка“ скрывает, с одной стороны, стремление технократического слоя освободиться от господства политической бюрократии, а, с другой, — усилия политической бюрократии децентрализовать экономику, чтобы разрушить власть федерации, переместить акценты с плана на рынок, который ограничится национальными рамками и войдет в сферу влияния бюрократии республик. Хотя забота о развитии рыночных отношений оправдывалась заботой о путях развития *самоуправления*, само колебание линии на самоуправление в подлин-

ном смысле, т. е. на расширение автономии предприятия и прав рабочих, показывает, что развитие самоуправления не шло параллельно развитию рыночных отношений.

Третий вариант как будто той же самой идеи самоуправления располагает где-то между первыми двумя. Эта концепция „отношений, основанных на уровнях доходов” предлагает отменить наемный труд и прочие пережитки капитализма и перейти к единому самоуправлению. Согласно этой концепции, рабочие имеют право на получение и распределение доходов, но в рамках „соглашений о самоуправлении” и договоров, регулирующих пропорции распределения прибавочного продукта. Ключ концепции в этом „но”, ибо введение так называемых соглашений о самоуправлении возвращает политический арбитраж и противоположно идее регулирования отношений производства и обмена свободным рынком. Присвоение нового названия политическому арбитражу („соглашения о самоуправлении”) и представление его частью системы самоуправления не снимает вопроса о реальном субъекте соглашений. Если существующая структура власти не изменится в корне (а этого сторонники данной концепции даже и не требуют, ограничиваясь поисками „самоуправляющихся механизмов”), то единственными реальными факторами „соглашений о самоуправлении” оказываются факторы политические, прежде всего — неинституционализированные неформальные группы.

С этой концепцией тесно связано положение об „этистской децентрализации”, торжественно провозглашенное конституцией 1974 г. Парадоксально, что и этот тезис должен основываться на понятиях „рыночного социализма”.

Однако поощрение рынка означает отмену централизованного регулирования, что прокладывает дорогу этистским тенденциям в республиках. Такая философия прикрывается либерализмом „рыночной экономики”, утверждая, что самый естественный путь размещения средств и ресурсов — в рамках республик. В итоге, покровительство „самоуправляющейся организованной экономике” на уровне республик рассматривается не как вмешательство извне, а как нормальная защита самоуправления на этом уровне. Тезис о „соглашениях о самоуправлении” между республиканскими хозяйствами как бы

подменяет концепцию „рыночного социализма самоуправления” (который сам по себе — не что иное как политический диктат), но это требование в противоположном направлении — от республик к федерации. Если принять эту концепцию, федерация сможет выжить, только если достигнет согласия с представителями республик и краев, а это становится все труднее.

Хотя мотивы сторонников такого толкования самоуправления очевидны, никто не может обвинить их в том, что они против самоуправления. Хотя эта линия усиливает этатизм под прикрытием защиты „интегрального самоуправления”. Вместо этого противниками самоуправления объявляют тех, кто дает последовательное толкование самоуправления как права на самоорганизацию в сочетании с радикальным изменением существующей структуры власти.³⁷

Ответ на вопрос о самоуправлении как преобладающем типе отношений в обществе зависит от того, что понимать под самоуправлением (вспомним отмеченные выше различия толкований). Практически об автономии предприятий в любом из этих толкований говорится совсем немного и во всех по-разному — иногда имеется в виду ее расширение, иногда — сужение. Говорят и о гарантии прав на самоуправление (при том, что объем этих прав на практике достаточно узок). Много дается советов, но результаты невелики, что крайне осложняет регулирование югославской экономики и общества в целом. Все чаще происходит государственное вмешательство в сферу социального регулирования — каждый раз, когда хаос грозит породить бунт. Тогда государство вмешивается, как бы говоря: „Смотри-те что происходит, когда я ослабляю бдительность хоть немного, а вы получаете слишком много свободы. Вы же не в состоянии управлять собой” (этакий патерналистский подход к самоуправлению).

И все же анализ всех этих толкований показывает, что самоуправление стало доминирующей формой отношений. Этому суждению не противоречит даже государственное вмешательство, ибо, согласно таким толкованиям, между самоуправлением и государством нет противоречия. Наоборот, поскольку самоуправление — просто приставка к государству, государственный и партийный аппарат находится как бы вне его, или точнее над

самоуправлением, и это положение регулируется конституцией в статьях, относящихся к самым высшим партийным и государственным институтам. (Президиум СФРЮ — высший государственный институт, и руководство СКЮ — высший партийный институт даже формально не подчиняются принципам, установленным для самоуправления, ибо их члены назначаются государственными и партийными органами согласно распределению мест между республиками — „национальному ключу”, и этот принцип должен быть соблюден обязательно.)

Гораздо труднее оценить, в какой мере самоуправление укоренилось в жизни общества в смысле осуществления предоставляемых им возможностей использования самоуправления для проведения важных решений с участием производителей-граждан. Трудно также сказать, в какой степени оно стало интегральной частью современного мышления в Югославии. Попутно возникает вопрос: стало ли самоуправление основой демократизации общества, или же — при данных условиях и формах его развития — оно сдерживает дальнейшую демократизацию.

На этот последний вопрос можно ответить: и да, и нет. Введение самоуправления действительно подтолкнуло демократизацию, и оно по-прежнему остается скрытым импульсом дальнейшей демократизации процесса принятия решений. Поэтому нельзя сказать, что самоуправление — чистая формальность, хотя оно нередко к ней сводится, поскольку ни органы самоуправления, ни граждане часто не знакомы с правами, гарантированными им конституцией; а эти права шире, чем используемые на практике.

С другой стороны, самоуправление нередко используется как предлог, чтобы воспрепятствовать дальнейшей демократизации общества, когда все, что выходит за рамки ограниченной и противоречивой концепции самоуправления, объявляется „анти-самоуправлением”, и потому автоматически отвергается, ставится вне закона. В этом смысле Мейстер прав (хотя нельзя безоговорочно заключить, как это делает он, что самоуправление препятствует процессу демократизации), отмечая решающий момент в генезисе югославского самоуправления, сказавшийся на всем дальнейшем развитии. Он подчеркивает, что самоуправ-

ление было введено сверху, а не создано волей народа и по его решению или усилиями какого-либо общественного движения — оно не возникло добровольно. Отсюда — удержание самоуправления в „рамках” так что вместо поощрения свободной воли и спонтанности, оно стало в оппозицию к ним. В этом состоит, по моему мнению, главная проблема и основной источник коренных противоречий югославской общественной системы. Поскольку самоуправление никогда не было результатом свободного выбора, оно было противопоставлено выбору альтернатив дальнейшего развития, ибо „учрежденное самоуправление” (уже в термине есть противоречие) исключает любую альтернативу. Иными словами, вместо самоопределения и самоорганизации общества (а в этом суть идеи самоуправления), оно стало институционализированным фактором, который не может быть оспорен даже в его нынешней форме. Оно принимается как данность, что по сути исключает возможность самоуправления.

„В практическом плане, — пишет Арзенсек, — наблюдается несоответствие между прямыми и автономными акциями рабочих и существующей системой... Несовместимость системы самоуправления с активностью самоуправляющегося рабочего дает основания для критики основ существующей системы, исходя из ее собственной идеологии”.³⁸

Изменения социальной структуры происходили именно в описанных выше институциональных рамках. В социологическом анализе они толкуются по-разному. Наиболее радикальный вывод сделал социолог И. Зупанов³⁹ — „преобразование населения, — пишет он, — единственное реальное преобразование” в послевоенном югославском обществе, а другие изменения носят в основном количественный характер. (Он считает, что изменения квантифицируются при отсутствии качественных изменений; это выражается в постоянно растущем числе „участников” и должностей, а также институтов со звучными названиями.) Наиболее очевидные перемены — это преобразование аграрной страны в среднеразвитое индустриальное общество по структуре населения. Наиболее изменилось крестьянство, которое в ходе послевоенного развития разделилось на фермеров (в основном держателей архаических хозяйств), крестьян-

рабочих (в основном мужчины во втором поколении, в то время как женщины стали главной рабочей силой в сельских районах) и горожан, полностью сменивших занятия (небольшая группа).

Структура югославского общества обнажает коренное противоречие между принципами, на которых основаны экономика и политическая система; отсюда — разнородность этой структуры, в которой одни элементы исключают другие. Предполагаемая автономия предприятия ставится и в параллель, и в противовес авторитарным принципам на макроуровне, которые навязывают институционализированную иерархию власти с недвусмысленно определенными ее высшими носителями. Это партюкраты, которые и оказываются реальным фактором, определяющим рамки политически организованного общества в соответствии со своими пожеланиями. Но авторитарная организация власти не ограничивается политической системой: она создает и основу организации процессов труда на производстве, ибо оно тоже построено на принципе иерархического распределения ролей и различий в системе оценок физического и иного труда.

Вследствие такой гибридной структуры невозможно выделить хотя бы одну линию дифференциации и стратификации, так как все принципы перепутаны из-за перекрещивания разнородных подструктур. Социальную дифференциацию, идущую по политической линии, правильнее всего описывать в терминах классовой дифференциации; но имеется и профессиональная стратификация. На политическом уровне определяющим принципом является отчетность низших звеньев перед высшими и рекрутирование кадров по политическим критериям (политическая надежность и лояльность до 50-х годов была главным критерием при подборе всех руководящих кадров и в экономике, и в культуре). Неписаное правило состоит в том, что партия осуществляет контроль над кадровой политикой во всех общественных организациях через „кадровые списки” (модифицированный вариант номенклатуры). Заинтересованность партийных институтов в воспроизводстве благонадежных политических кадров подтверждает, что этот слой является решающим фактором общественного развития, от него в основном зависит воспроизводство данной системы, в которой дифференциация

происходит между относительно закрытым слоем политической элиты и слоем, не имеющим доступа в сферу политики, но все-таки участвующим в распределении власти (особенно в экономической области).

Параллельно партийной иерархии (которая все больше стратифицируется в ходе раздробления партии) складывается иерархия государственных и полугосударственных органов власти, все больше подчиняющихся принципу национального представительства („национальный ключ”), так что и здесь выборы становятся более или менее фиктивными.

Но если эти иерархии складываются по классическим образцам, то принцип формирования структуры представительных институтов („делегаций”) не столь ясен. Это не классические парламенты и не самоуправляющиеся организации, ибо система „делегаций” основана не на прямых выборах или представительстве самоуправляющихся организаций, а на принципе фильтров. Прямые выборы происходят только на низшем уровне, а дальше действуют „кадровые списки”, составленные по политическим и национальным „ключам”. Таким образом, система „делегаций” находится где-то между иерархией и самоуправлением, хотя практически это явный отход от демократии, ибо отбор кандидатов в „делегации” производит политическая элита.

Принципы отбора и перемещения руководящих кадров на профессиональном уровне — иные; здесь зависимость политических факторов слабеет по мере отдаления от политики и приближения к профессиональной сфере. Политический принцип отбора кадров, впрочем, продолжает играть роль, но после чисто профессиональных требований. Тем не менее и в производственных организациях состав разнороден и структура противоречива.

Поскольку на уровне производственных единиц провозглашаются принципы „ассоциации самоуправления” и „принятия решений на основе самоуправления” (хотя это не понимается настолько буквально, чтобы обеспечить хотя бы некоторую степень автономии от политической власти), то на этом уровне при формировании кадров до некоторой степени соблюдается принцип самоуправления; но поскольку сохраняется класси-

ческое разделение труда и распределение ролей, то и здесь складывается иерархическая структура, и на практике именно этот принцип становится доминирующим.

Итак, структура югославского общества характеризуется, во-первых, переопределением принципов автономии и гетерономии с преобладанием авторитарной модели (ибо политическая сфера преобладает) и, во-вторых, подбором кадров для общественно важных и менеджерских постов по политическому и профессиональному принципам, причем первый оказывается решающим для воспроизводства слоя руководителей и менеджеров, ибо политическая иерархия имеет больший вес, чем профессиональная, в формировании всех общественных структур: определяющим фактором структуры югославского общества является политократия, а не меритократия (власть имеющих заслуги и способности).

Таким образом, можно различить две линии структурирования и дифференциации: первая — по степени близости к политической власти и исключительным привилегиям, получаемым от нее (привилегия власти и неограниченного удовлетворения всех потребностей, независимо от возможностей удовлетворения даже основных нужд населения); вторая — по месту в общественном и профессиональном разделении труда. По этой линии различается, в свою очередь, разделение между физическим и умственным трудом, т. е. по видам и источникам дохода, и, во-вторых, по возможности доступа к работе, т. е. между работающими и безработными. Эти две линии не следует смешивать, как делают некоторые югославские теоретики, утверждающие, что в югославском обществе существует только принцип разделения труда по профессиям. Дело в том, что слой, формирующийся по политическому принципу, не может быть не принят во внимание в профессиональном разделении труда. Статус политика или „политической бюрократии” в целом определяется не в профессиональных терминах, т. е. не по принципу профессиональной квалификации или по месту в профессиональном разделении труда, а по роли в ключевых (политических) институтах, где действуют политические критерии. Следовательно, статус политика основан не на профессии, а на привилегии, ибо политиками становятся, завоевывают место в политической

иерархии, на основе доверия и лояльности, а не способностями и профессиональным умением. Соответственно, политический функционер, чтобы удержаться на посту, должен на политических форумах постоянно доказывать свою лояльность, а не профессиональную компетентность.

Еще один признак, отличающий политический отбор от профессионального, — это положение лиц, принадлежащих к слоям, складывающимся на этих разных основах: слой политических функционеров, как правило, свободен от институциональных ограничений, налагаемых на другие слои (хотя именно политики создают законы, ведут они себя так, будто к ним эти законы неприменимы). В отличие от такого рода функционеров, положение слоя, формирующегося на базе общественного и профессионального разделения труда, основано на разделении по типу выполняемых работ, по уровню профессиональной квалификации и благоприятности экономических условий для данной профессии, а также по получаемому доходу (с учетом уже сказанного о широком распространении „второй экономики” и различных злоупотреблений). Поэтому у политических функционеров образ жизни индивидуума (слоя) определяется институционально и не зависит от личных качеств; во втором случае профессиональные и личные качества играют гораздо большую роль, особенно для достижения неформального влияния и получения дополнительных доходов. Иными словами, для политических функционеров важно удержаться на постах, дающих им привилегированный статус, а для других успех в большей степени зависит от личных способностей и результатов работы, так что для сохранения статуса необходимо продемонстрировать профессиональную квалификацию. Успех профессионалов зависит и от экономической ситуации для данной профессии, обеспечивая какой-либо профессии лучшее положение независимо от профессиональной квалификации — например, инфляция юридических правил облегчает юристам поиски работы и получение дополнительных доходов.

Поскольку в югославской общественной системе профессиональная сфера более отделена от политической, чем в странах „реального социализма”, в Югославии нет резкой конфронтации между „государством” и „обществом”, характерной для других

стран Восточной Европы. Здесь конфронтация менее заметна, так как происходит внутри каждой из этих сфер: между традиционным бюрократическим мышлением и методами управления, с одной стороны, и сторонниками демократизации и модернизации, — с другой. Конфликты преобладают в общественной сфере; в политической они чаще имеют характер концептуальных и национальных противоречий. В итоге, общественные конфликты обычно проявляются в виде столкновений между различными социальными группами, защищающими разные концепции и интересы (хотя эти различия нередко обозначают одним и тем же термином — „самоуправление“).

Описание структуры югославского общества по конфигурации составляющих его слоев затруднено отсутствием авторитетного социологического анализа по обществу в целом. Однако можно сделать такое описание, основываясь на многолетних наблюдениях и исследованиях по частным проблемам. Наверху югославского общества находится многочисленная „политократия“, структура которой на федеральном уровне повторяет структуру на уровне республик. Это слой общества, обладающий наибольшей властью. Именно он определяет пути развития страны и инициирует или останавливает социальные изменения. Между „политократией“ и „слоем производителей“ сложился обширный „средний класс“. Не разделяя власти с политической элитой, он состязается с ней по подлинному влиянию и материальным условиям жизни, поскольку общепризнано, что потребительский дух все более становится образцом желательного поведения. В слой производителей, занятых в обобщественном производстве, входит рабочий класс. По образу жизни рабочие делятся на неквалифицированных, полуквалифицированных и квалифицированных. Две первые категории имеют низкий уровень доходов и заняты, в основном, борьбой за существование.

О рабочем классе трудно говорить как о чем-то едином, ибо он структурно атомизирован, а также разделен по национальному признаку. Социологические обследования показывают, что общественные интересы здесь четче выражены по национальной, чем по классовой линии. Но этот слой обделен, и поэтому наиболее скептически (за исключением „интеллигентов-

гуманитариев“) оценивает степень осуществленности провозглашенной модели. Это проявилось в широкой дискуссии о кризисе югославского общества, проведенной в партии. Рабочие открыто вскрывали и тонко критиковали противоречия системы и политику, которая не приводит к разрешению противоречий.

Крестьянство — особый слой в югославском обществе, поскольку крестьяне связаны с индивидуальным землевладением. Однако двойственное положение крестьян-рабочих (составляющих по статистике около 40% рабочих) снижает эту обособленность. Даже ограниченное развитие рыночной экономики делает крестьян менее чувствительными к кризису общества. Они удовлетворены больше, чем рабочие, и можно полагать, они скорее на той стороне, которая не хочет перемен.

Что касается „интеллигенции“, то поскольку все, кто не занят физическим трудом, работают в обобщественном секторе (кроме горстки „свободных художников“ и лиц свободных профессий), она разделяет судьбу лиц „ассоциированного труда“. Ее место — среди тех, кто имеет возможность (хоть и не слишком широкую) принятия самостоятельных решений. Интеллигенция лишь отчасти входит в систему отношений трудового найма на тех же условиях, что и другие „производители“. Единственная интеллектуальная работа, не подпадающая под общие характеристики этой группы — такая, которая создает возможность прибыльного бизнеса. Занятые бизнесом интеллигенты по философии и образу жизни входят в „средний класс“.

Выясняется, что „средний класс“ (или „мелкая буржуазия“) — та часть общества, которая больше всего выиграла от „югославского пути к социализму“, несмотря на то, что правящая элита располагает большей властью и более широкими привилегиями. Однако представители политической элиты обычно значительно менее зажиточны, чем многие представители „среднего класса“ вследствие больших доходов новых „буржуа“. Представители среднего класса не рискуют утратой материальных благ, а с ними и общественного влияния, как политические функционеры, лишённые постов. Поэтому не следует считать карикатурой описание югославского общества как

„социализма среднего класса”,⁴⁰ ибо средний класс накладывает самый сильный отпечаток на нынешнее югославское общество: его нормы поведения становятся образцом и для политической элиты и для рабочего класса.

Следовательно, исходя из сохранения или восстановления характерных отношений господства политической элиты над другими слоями и индивидуумами и эксплуатации (как исключительной возможности для части общества решать вопросы использования прибавочного продукта, лишая производителей общественных ценностей права суверенного контроля над ними), можно говорить о существовании в Югославии классового общества. Этот вывод подтверждает растущее расслоение и социальное неравенство.

Социальная подвижность в Югославии прошла те же стадии, что и в других классовых обществах. В первые годы нового режима социальная подвижность была весьма высокой, а затем все более приближалась к классическому образцу, когда самый высший и самый низший слои начинают воспроизводить самих себя. Это подтверждает статистика мобильности по поколениям: в 1970 г. 60% детей из рабочих семей становились рабочими, 65% детей в семьях, не занятых физическим трудом, не становились работниками физического труда. Статистика студенчества по социальному происхождению также показывает, что социальная мобильность снижается: в том же 1970 г. 37% студентов происходили из семей лиц с высшим образованием и деятелей искусства, 24% — из рабочего класса и лишь 15% — из сельских семей.

В чем же причина социального расслоения, ведущего к росту социального неравенства в югославском обществе? Она не в диспропорциях в доходах. Наоборот, скорее можно, пользуясь термином Зупанова, говорить об „эгалитарном синдроме”, так как отношение между низшим и высшим доходом на предприятии не превышает обычно 1:6. Дело и не в разнице в условиях жизни, создаваемых институционализированными привилегиями правящего слоя и его лояльных попутчиков (хотя этой разницей не следует пренебрегать). Материальные привилегии политической элиты существенно урезаны с 50-х годов, особенно в

сравнении с системой привилегий в Восточной Европе, и в Югославии эти привилегии доступны лишь довольно узкому кругу. Получающие привилегии вместе с общественным постом лишены возможности наживать материальное богатство; среди „социалистических миллиардеров” весьма мало политических функционеров, хотя анализ, подтверждающий это положение, не проводился.

Но кроме этих классических причин, есть два важных фактора усиления социального неравенства в стране. Это, во-первых, безработица, которая коснулась около 1 млн граждан, находящихся на грани выживания. Семьи по патриархальной традиции чувствуют себя обязанными кормить безработных. Многие безработные уходят во „вторую экономику” или возвращаются к земле. Однако социальное неравенство имеет не только материальный смысл, но и более широкий социальный контекст: люди, годами не имеющие работы, образуют самый бесправный слой, ибо они исключены из общественной жизни, из профсоюзных и общественных организаций, не относятся к звеньям самоуправления, а потому не имеют соответствующих прав и большинство из них не имеет социального страхования по месту работы.

Второй фактор — нетрудовые доходы от незаконной деятельности: от допускаемой властями спекуляции (так называемые „полезные злоупотребления”, которые приносят прибыль не только отдельным людям, но и предприятиям), и от широко распространенной коррупции („я — тебе, ты — мне”). К нетрудовым доходам относятся также некоторые накопления, созданные не трудом, а вследствие различной хозяйственной роли некоторых отраслей хозяйства и занятий, от монополии отдельных предприятий, которые диктуют цены и условия другим организациям. Это эвфемистически называется „неоправданным деланием денег”, против чего предпринимаются кампании, но они не ликвидируют причин этого явления, а лишь в показательном порядке конфискуют собственность у некоторых мелких частных предпринимателей.

Следовательно, возлагая большую часть вины на неэффективную экономику, плохое качество работы и низкую производительность труда, вызванную „эгалитарным синдромом”, мы

вновь обращаемся к следствиям, ибо требование большего равенства доходов — это реакция на резкий рост социального неравенства, причины которого ищут не там, где они коренятся. Причина этого неравенства — в положении „среднего класса” и его представителей, дающем возможность создавать и частным образом использовать дополнительные доходы, получаемые за счет общества. Играет здесь роль и налоговая политика, весьма мягкая по отношению к людям, приобретающим благосостояние от дополнительных доходов. В итоге, обнищавшее общество оказывается не в состоянии бороться против поляризации богатства и нищеты.

Часто спрашивают, чем объясняется отсутствие открытого и ясно выраженного протеста, несмотря на очевидность затяжного характера кризиса и его особой тяжести для людей, и без того страдающих от социального неравенства, при том, что для благополучных слоев населения кризис является условием сохранения их богатства. Это можно объяснить существованием некоего молчаливого соглашения между „государством” и „обществом”. Государство не увеличивает налогового бремени и закрывает глаза на побочные работы, доходы от ренты и на не слишком законное использование общественной собственности (отсюда рост экономической преступности и по числу и по размаху хищений). В ответ граждане соблюдают политическую лояльность государству и, даже присваивая общественную собственность, не создают политических проблем, поддерживают партийную линию на выборах, где нет выбора („один кандидат на одно место” — тема, весьма подогревающая нынешнюю полемику в стране). Такое „взаимопонимание” приглушает напряжение в 80-е годы, хотя растущее число забастовок и митингов протеста свидетельствует об усилении недовольства. Однако большинство по-прежнему довольствуется лишь словесной критикой и выражением неудовлетворенности, что подчас скрывает стремление помешать реальным переменам: не зря многие представители политической элиты охотно присоединяются к словесному критицизму, иной раз весьма радикальному, но без явной готовности к действительным общественным переменам. Таким образом создается впечатление, что перемены зависят от кого-то другого, а не от обладателей политической власти.

Как только начинается дискуссия о конкретных переменах, в особенности — в политической системе, сопротивление становится ожесточенным и прекращается поддержка политической элиты, на словах отстаивающей либеральную линию.

Поэтому, в отличие от пассивного сопротивления в странах „реального социализма”, выражающегося в плохой работе, низкой производительности труда и плохом качестве продукции, в Югославии те же явления порождает конфиденциальное соглашение граждан с государством в том смысле, что рабочий чувствует, какая работа соответствует его низкой заработной плате, и бережет силы для работы после официального рабочего дня (как гласит пословица, „никто не может заплатить мне так мало, чтобы я не сделал еще меньше”); государство это терпит, ибо у него нет выхода из этого тупика.

Для полноты картины следует рассмотреть проблему культуры и общества.

По своему генезису из-за отсутствия разрыва с первоначальной моделью югославская модель принадлежит к тому же типу политической системы, в которой важную роль играет идеология. Место и роль идеологии определяется не только тем, существует ли в государстве официальная идеология и как она „встроена” в систему, и не разрывом между словом и делом, ибо все общества встречаются с этой проблемой, даже признающие идейный плюрализм и многопартийность. Общества с тенденцией к тоталитаризму отличает не только наличие политических репрессий (они существуют везде), а постоянное подавление мысли, исключающее свободное мышление и независимые акции как недопустимое нарушение и „злоупотребление свободой”, дозволенной официальным мировоззрением. Поэтому отношение идеологии к культуре и независимым общественным акциям — это индикатор серьезности изменений, происшедших в югославском обществе. В то же время терпимость (или враждебность) к инакомыслящим и чрезмерность борьбы с „врагами” (или же отсутствие постоянно подогреваемой „обстановки борьбы”) дают возможность проникнуть в существо успехов на пути освобождения от концепции „диктатуры пролетариата” и движения к подлинному самоуправлению.

Скажем сразу: идеологическая схема тоталитаризма никог-

да не была полностью отброшена в Югославии, хотя применялась она непоследовательно и с переменной интенсивностью. Это особенно очевидно, если вспомнить о борьбе с „врагами народа“, которая всегда была присуща югославской действительности. Поэтому только логично, что концепция самоуправления была мотивирована идеологически и проведена идеологическими средствами. Ведь охранять и оправдывать самоуправление можно было только, если рассматривать спонтанные общественные движения как несовместимые с „социализмом самоуправления“. Иными словами, пока новая концепция социализма служит поддержанию существующего порядка, при котором власть остается в руках тех, кто насаждает самоуправление, идеология будет по-прежнему необходима для подтверждения законности системы. Вот почему югославское руководство не полагается больше на освобожденную энергию творческих сил в культуре, которая получила новый импульс, освободившись от „тени Сталина“, но продолжает так или иначе использовать идеологию как механизм защиты режима от критики и как торговую марку этого режима — „единственной прогрессивной системы“. Поскольку новая идеология работает на оправдание новой модели и узаконение власти ее создателей, роль идеологии не изменилась существенно. Вопреки предначертаниям новой модели идеология осталась священной, с ней нельзя спорить, ею нельзя даже просто пренебречь не только членам партии, но всем гражданам. Официальная идеология — это путеводная линия, которую все должны уважать и которой должны следовать для обеспечения „строительства социализма“, предусматриваемого этой идеологией.

Иными словами, хотя идеологическое обоснование целей и ценностей будущего идеального общества изменилось, сама идеология продолжает функционировать для оправдания и узаконения существующей структуры власти, хотя это противоречит исходным предпосылкам нынешней модели. Все варианты свелись к одному пути „строительства социализма“, об альтернативах даже невозможно говорить. Следовательно, и в югославской модели первичная функция идеологии негативна, ее назначение — ограничить выбор и убедить граждан вести себя в предписанных рамках.

В этом и проявляются ярче всего пределы югославской модели, поскольку она сохраняет классическую функцию идеологии, в особенности моноорганизации общества. Ибо монолитная идеология исключает даже социалистические альтернативы, не говоря уже о прочих, тогда как исходная предпосылка самоуправления — это сопоставление альтернатив, демократический выбор социальной организации, т. е. как раз обратное единственному навязанному сверху предпочтению моноидеологического типа, который нельзя затронуть и оспорить.

Специфика югославской официальной идеологии не только в том, что она отстаивает не „диктатуру пролетариата“, а „социализм самоуправления“, но и в том, что на самоуправление накладывается сильный идеологический отпечаток, и вследствие идеологического толкования сущность понятия изменяется, смещаясь от открытой революционной концепции, предполагающей прежде всего освобождение общества от господства политической власти, к концепции самоуправления как уже сформулированной системы или института, который нуждается в сохранении и защите государством. В этом смысле правилен вывод С. Зукина⁴¹ об „атрофии революционной функции идеологии“, хотя последняя отстаивает как будто идею революционного социализма. Иными словами, и здесь мы сталкиваемся со знакомой идеологической акробатикой, когда средства превращаются в цель, т. е. институты, которые создавались для укрепления и расширения движения общества к самоорганизации, становятся самоцелью и окостеневают. Идеологическая основа неизбежно превращает их в их противоположность: истеблишмент отождествляет себя с „социализмом самоуправления“, и всякая критика сформировавшейся системы и ее институтов расценивается как „антисоциалистическая“.

С. Стоянович нашел для этого подходящий термин — „реальный социализм самоуправления“. Это означает, что роль идеологии в Югославии — прежде всего в оправдании статус кво (каковым считается „социализм самоуправления“) и в представлении того, что уже „существует“, как главного достижения социализма. Из этого следует, что глубокие перемены более не нужны, а все, что нужно, — это „строить на существующей основе“, лишь слегка направляя ее, чтобы система лучше функцио-

нировала. В этом отношении югославская идеология сходна с идеологиями других стран с политической системой советского типа, т. е. консерватизмом, который легко соединяется с такими традиционными идеологиями как национализм и новые формы религиозного возрождения.

Однако это не полная картина югославской культурной и общественной реальности. Очевидно, что идеология, несмотря на все усилия, более не в состоянии играть ее обычную роль. Тому есть две причины: во-первых, уже не существует монолитной идеологии и, во-вторых, политическая социализация перестала играть решающую роль; введенные недавно „курсы марксизма“ сегодня не в состоянии индоктринировать сознание югославских граждан. Поэтому в Югославии складывается та же ситуация, что и в остальной Восточной Европе: „марксизм“ все более утрачивает популярность, а „социализм“ становится идеологическим штампом, в который все меньше верят.

Но по той же причине область свободы в Югославии расширяется, ибо идеология уже не охватывает больше все и вся, а служит скорее декорацией, расшифровкой решений партсъездов и ритуалом для церемоний. Так, в критических дискуссиях часто подчеркивается, что растут в числе празднества в честь освободительной войны и революции, в то время как политическая практика все дальше отходит от революционных целей. Размеры области свободы — важный критерий десталинизации, особенно если рассматривать этот вопрос в контексте возрастания уважения к законам в Югославии. Однако формальное соблюдение законов еще не означает, что юридическая система организована демократически: тот факт, что суд не обладает независимостью (судей отбирает партийная элита), ставит под сомнение правовой характер югославского государства.

Расширение свободы деятельности в неполитической сфере и ослабление идеологического давления сопровождается перемещением активности их граждан из политики на рынок⁴² и способствует их большей заинтересованности в личном благополучии, чем в общественном прогрессе (отсюда — распространенное мнение, что отдельные люди сказочно богатеют, а общество беднеет).

Но дело обстоит не так плохо. Похоже, что под прикры-

тием идеологии и политики монолитного единства целей и средств происходит формирование плюралистического общества. Эти тенденции ощущаются во всех сферах — и в расширении многообразия форм неинституционализованного труда и обмена в экономике, и в нецензурируемых общественных дискуссиях, особенно на молодежных форумах и в журналах, а также в так называемых параллельных коммуникациях в Открытом университете,⁴³ в неофициальном издании книг и газет, в возникновении полунезависимого движения за мир, а также в забастовочном движении, которое развивается, хотя оно считается несовместимым с самоуправлением, и т. п.

„Бум“ в области образования расширил круг лиц с высшим образованием (что создало известную диспропорцию с общим уровнем образования: в Югославии и доля студентов высших учебных заведений и доля неграмотных — одни из самых высоких в Европе) и вызвал значительную безработицу среди интеллигенции. Литература и периодика последних лет свидетельствуют, что прямые критические выступления в последнее время участились. Но возможность критических высказываний не означает, что эти высказывания влияют в сторону перемен в обществе: нередко самые либеральные представители политической элиты, весьма критически высказывающиеся на форумах, не в состоянии сдвинуть дело с мертвой точки, так что некоторые из них уходят в отставку или во „внутреннюю эмиграцию“.

Возможно, это звучит парадоксально, но безработица способствовала появлению новых форм занятости. Сейчас, например, уже не считается, как прежде, что „государственная служба“ — единственная возможность обеспечения существования. Распространяется свободная инициатива, мелкое предпринимательство, занятие свободными профессиями; предпринимательская жилка проявляется и у отдельных лиц, и у групп (создано несколько „молодежных фабрик“) и т. п. Свобода передвижения по стране и выезда за границу расширяет диапазон возможных занятий. При этом личность становится все более независимой от государства, ибо государство в Югославии не является больше единственным предпринимателем. Однако занятость растет крайне медленно, и решение тяжелой

проблемы страны — безработицы — не имеет благоприятной перспективы. В то же время расширение возможных способов заработка расширяет потребительские запросы, и в югославском обществе действительно растут потребительские настроения, причем растут они быстрее, чем материальные возможности, ибо Югославия по-прежнему — бедная страна. Для большинства населения обычное состояние — борьба за существование. Кроме того, „синдром потребительства” нередко сосуществует с традициями патриархального общества и мышления. Сохраняются глубоко укоренившиеся инстинкты крестьянского общества, где преобладает желание приобретать, а не тратить. Это способствует погоне за недвижимостью, дачными домиками, старинной мебелью, драгоценностями, дорогими автомобилями и т.п.

Поэтому структура личности в Югославии может быть охарактеризована как смесь „сервильной ментальности”, присущей амбивалентной крестьянской психологии слабо развитого общества, и потребительства как возмещения за угнетение в политической сфере. Такая противоречивость мышления тоже сужает его свободу, ибо свобода — это не только дар верхов.

Атомизация и возрастание разъединяющих факторов в югославском обществе усиливают равнодушие⁴⁴ во всех его слоях, включая политическую элиту. Как правило, причины морального нигилизма и роста аморализма в стране усматривают в разрыве между лозунгами и политической практикой, которая руководствуется весьма „земными” мотивами. Важнее здесь, однако, более глубокое противоречие, коренящееся в самой системе. Оно состоит в разрыве между стремлением политической элиты сохранить свою монополию в сфере идеологии и через нее — исключительное право определять основные цели общества (монополию на „теологическое знание”, по Конраду и Селени) и явной необходимостью в оптимальном развитии альтернативных концепций социальных перемен (ибо кризис показал, что в существующей структуре отношений никакие проблемы решить невозможно).

Из-за нежелания критически пересмотреть свои монопольные позиции власть прибегает к неблагоприятным мерам, посредством которых она надеется преодолеть апатию в обществе. Пытаются, в частности, реанимировать ценности прошлого,

когда „борьба против классового врага” и господство политических органов играли ключевую роль.⁴⁵ К этим идеологическим мерам на низших уровнях системы мотиваций добавляется поощрение потребительства как компенсации за отсутствие альтернатив, неприемлемых для властей, ибо они расшатывают их идеологическую и политическую монополию (в этом случае потребительские настроения воспринимаются ими как меньшее зло). Некоторые социологи пишут о возрождении „фундаментальных ценностей”⁴⁶ как логическом следствии утраты значения ценностей социализма в существующей структуре отношений и преобладающей манере поведения. Неготовность властей решительно порвать с нынешней политикой еще более усиливает равнодушие общества.

Таким образом, югославское общество — это *гибридная система*, в которой децентрализованная государственная власть сосуществует с однопартийной системой и формами соуправления на микроуровне. Иными словами, в югославском обществе имеются элементы трех систем: „реальный социализм” — в политической системе и образе мышления правящего слоя; элементы капитализма в товарно-денежной экономике и преобладание массовой культуры западного типа над идеолого-пропагандистскими элементами; и элементы соуправления в низовых звеньях производства и распределения.

Отсюда вытекает ответ на вопрос о соотношении югославской модели и „реального социализма”. Мы полагаем, что это общество того же *типа*, но с иными формами поведения и нравами; условно его можно отнести к *политически организованной* бюрократии, не похожей на веберовскую бюрократическую модель. Эта бюрократия исповедует марксизм с его идеей установления социалистического общества средствами идеологии. Общество, созданное в результате политической революции, склонно приписывать решающую роль политическим факторам, принося роль общественных движений как субъекта подлинно социалистических преобразований. Революция была совершена партией „профессиональных революционеров” от имени рабочего класса, и эта партия продолжает править от его имени, несмотря на провозглашение самоуправления; ее авангардную

роль как необходимую составляющую „социалистического строительства” запрещено ставить под сомнение.

Анализ югославского общества показывает, что эта модель не может рассматриваться как цельная и тождественная самой себе. Новые ее элементы создали основы нового поведения, хотя способ внедрения в модель этих элементов сделал их скорее „дополнением” к ней, нежели качественным преобразованием. Образно говоря, старые штампы легко распознаются в этой модели под новыми штампами. Иными словами, югославская модель представляет собой *декларированное со-управление в ткани политически организованного бюрократического общества*.

4. Возможности дальнейшей эволюции югославской системы

Анализ важнейших показателей, проведенный выше, свидетельствует, что эволюция, начавшаяся в 50-е годы, приостановилась. Вопрос в том, можно ли обновить первоначальный энтузиазм, восстановить нарушенную непрерывность в преобразовании модели и осуществить качественно иную практику, соответствующую концепции демократического социализма.

Во всех дискуссиях о кризисе югославского общества подчеркивается, что „демократическая альтернатива выхода из кризиса” — это единственно возможное решение, ибо несмотря на то, что концепция самоуправления оказалась выхолощенной и непоследовательной, югославское общество не может искать своей идентификации в обратном процессе — в отступлении ко времени, когда преобразования еще не были проведены (имеются в виду решения 1948 и 1950 гг.). Полный пересмотр концепций означал бы признание, что модель самоуправления никогда всерьез не принималась.

С другой стороны, кризис общества показывает, что нельзя бесконечно маневрировать между декларациями и реальностью — провозглашать самоуправление и одновременно создавать систему институтов, препятствующих развитию самоуправления. Это, разумеется, не означает, что с концепцией и программой самоуправления все в порядке и политику общественного

развития нужно лишь приспособить к целям, определенным программой (а именно так высказываются на политических форумах). Это лучше иллюстрируется Конституцией 1974 г., из-за ее амбивалентности охотно цитируемой и сторонниками авторитарных атомизированных национальных экономик, и теми, кто отстаивает демократическую концепцию федерации, имея в виду автономию республик и координацию социального развития общества в целом

Кризис общества, достигший своего пика в 80-е годы, поставил югославское общество лицом к лицу с противоречиями системы. Была осознана невозможность существующего устройства функционировать нормально в данных обстоятельствах. Впервые после 1948 г. югославское общество, даже в его повседневной жизни, стало походить на восточноевропейский „социализм”: нехватки, ставшие неотъемлемой частью противоречивой хозяйственной политики; длинные очереди за продовольствием; невозможность поддержать прежний относительно сносный жизненный уровень, особенно среди рабочего класса; усиление идеологических кампаний против „политического” театра, против литературы, дающей „искаженную картину социальной действительности”, и даже против „тенденциозных портретов”. Но самым тяжелым ударом для граждан было постоянное падение жизненного уровня и инфляция, в результате которой цены поднялись до мирового уровня в то время как личные доходы упали, а безработица возросла.

Кризис обеспокоил и старых революционеров, отодвинутых на периферию политической власти. Они начали осознавать, что возникла опасность утраты плодов всей их революционной деятельности. Появились „диссиденты-революционеры”. Однако в отличие от „советской оппозиции” 20-х годов, они не пытаются организовать для борьбы с консервативным крылом в партии, препятствующим всяким переменам ради сохранения существующего порядка. Старые революционеры уходят во „внутреннюю эмиграцию” или ограничиваются мемуарами, где высказывают „свою правду” о революции и послевоенных событиях.

Кризис побудил критически мыслящую интеллигенцию серьезнее проанализировать существующие социальные институты и отношения, чтобы отыскать корни кризиса в условиях,

созданных системой. Специалисты гуманитарии по всей Югославии занялись интенсивными исследованиями структуры и системы общества. Написаны многочисленные исследования о причинах кризиса; состоялись многочисленные симпозиумы; многие общественные форумы стали ареной критических выступлений о причинах дисфункции системы и призывов к необходимым социальным переменам в экономике и политике.

Можно, однако, заметить, что широко распространенная критика существующей системы и демократическая фразеология не соответствуют подлинной тяге к социальным переменам. Это подтверждается отсутствием даже начальных шагов к радикальным изменениям экономической политики, к разрешению основных противоречий хозяйственной системы; отсутствием ясной концепции долгосрочного развития (так называемая Долгосрочная программа экономической стабилизации — это скорее набор временных мер для выхода из кризиса, нежели концепция для разрешения основных противоречий); усилением консервативных сил в высшем руководстве и подавлением линии на демократизацию общества; сопротивлением переменам в политической системе — в этом Югославия отстает в некоторых отношениях, например, от Венгрии.

Вследствие всего этого, а также вследствие того, что со времен освободительной войны все перемены осуществлялись только сверху, правильнее говорить, характеризуя нынешний политический кризис, о сопротивлении общественным переменам, чем о подлинных возможностях необходимых социальных преобразований. Чтобы создать впечатление сдвигов, „реорганизуют“ существующие институты и умножают число правовых документов. Однако такое манипулирование может лишь обострить кризис, ибо псевдорешения больше не в состоянии приостановить процесс распада общества и разрушение экономической и социальной систем.

В то же время, возникновение новых потребностей общества в 80-е годы вынуждает и власть имущих признавать необходимость перемен, чтобы избежать открытого столкновения с „обществом“.⁴⁷ Невозможность разрешения хозяйственного кризиса в рамках существующей системы подталкивает к пониманию того, что ключевые проблемы тем более нельзя решить посредством внутрисистемных изменений.

Необходимо пересмотреть основные цели и ценности с учетом нового опыта развития демократических обществ и общественных движений и в соответствии с новыми общественными потребностями. Соответственно должны быть пересмотрены средства, методы и механизмы, чтобы выяснить, почему плановая децентрализация не приводит к демократизации общества — скорее наоборот.

Необходимо открыто и критически рассмотреть вопрос о том, какие социальные силы способны обеспечить выход Югославии из кризиса и оживить ценности, дискредитированные нынешней политикой. Следует определить, какие социальные силы заинтересованы в такого рода переменам. Представление, что СКЮ по определению (как „авангард рабочего класса“) может быть такой силой, оказывается проблематичным, в частности, из-за того, что сейчас есть восемь СКЮ, и каждый защищает интересы своей республики, так что вместо провозглашенной общей цели множатся конфликты и взаимоисключающие концепции развития. Как уже отмечалось, невозможно говорить и о едином рабочем классе, ибо он разведен по национальностям и атомизирован фрагментарным самоуправлением.

Все более очевидно, что молодое поколение обращается к другим моделям, ибо в течение многих лет реальные решения отвергались и процессы демократизации были приостановлены. Сложилось убеждение, что коренной демократической альтернативы в рамках социализма вообще не найти. (Причем, вместо изучения всех трудностей этой проблемы, была начата кампания против „идеологии либерализма“) Следовательно, политизация молодежи может пойти иными путями, если партия коренным образом не изменит свою политику по отношению к ней, не откроет перед молодежью новых альтернатив. При сложившейся расстановке политических сил такое обновление вряд ли возможно.

Следовательно, социальные перемены в сторону демократизации югославского общества во многом зависят от того, будет ли поставлена под вопрос законность монополии на решение о „выборе будущего“ для грядущих поколений — монополии, узурпированной частью общества. Вопрос о том, возникнет ли нажим, который вынудит бы правящую элиту провести

серьезную реформу политической системы, чтобы открыть путь для беспрепятственной демократизации общества и оживления самоуправления. Именно с этой точки зрения следует расценивать важность новых явлений (например, сильной как никогда ранее критической струи в общественном мнении), которые указывают на более решительное сопротивление исторически отжившей авторитарной модели социализма, все еще глубоко укорененной в социальной системе Югославии.

Формы самоуправления не развились до уровня, допускаемого конституцией, но наличие самоуправления — реальность югославского общества, которую нельзя не учитывать в анализах возможностей дальнейшего развития. В этом и уникальность Югославии по сравнению со странами Запада и Востока. Существование этих форм на протяжении более 30 лет не могло не повлиять на психологию „со-управителей”. Право на со-управление стало если не реальностью, как это предполагалось, то частью образа мышления. Отсюда многообразие оценок реальности и критическое к ней отношение, в особенности проявившееся в период кризиса, ибо само введение со-управления, с одной стороны, подорвало основу монопольной структуры власти и, с другой, — поставило под вопрос ее идеологическое узаконение. Несмотря на свою ограниченность, множественность оценок открыла новые горизонты для изменения роли „производителей”, т. е. рабочих, если они сумеют самоорганизоваться. Рабочие в Югославии не чувствуют себя столь беспомощными, как классические наемные труженики или пленники государства в других странах Восточной Европы. Используя лексику официальной идеологии, они могут заботиться о расширении своих прав, поскольку никто не отваживается открыто выступать против самоуправления.

Но для перехода от ограниченных форм со-управления к самоуправлению, надо яснее определить концепцию самоуправления, не только чтобы избежать терминологической путаницы, тормозящей организацию самоуправления, но прежде всего для преодоления узости взгляда, согласно которому самоуправление замыкается стенами фабрики. Демократизация югославского общества через самоуправление может быть достигнута только при соблюдении следующих условий: во-первых, если

восторжествует реальная и единая концепция самоуправления как самоорганизации, которая отменяет прежний тип власти; во-вторых, если будут выработаны методы и созданы механизмы, обеспечивающие право каждого гражданина на самоуправление. Но, возможно, самое важное, — это отбросить концепцию организации общества по модели фабрики (замечание А. Гожа⁴⁸), так как эта концепция ведет в конечном счете к псевдоэмансипации „производителей”, к „самоуправленческому порабощению” рабочих, которые как бы соглашаются на собственную изоляцию (под видом „самоуправления”), оставляя *политику вне самоуправления*.

Политическая элита понимает, что будущее югославского общества как независимой политической общности — в непрерывном развитии самоуправления, независимо от приоритетов тех или иных руководителей. Это означает, что политическая элита вынуждена действовать вопреки собственным интересам, вопреки стремлению сохранить монополию власти, если она желает выжить и сохранить уникальный характер югославского общества, сложившегося в начале 50-х годов.

Спонтанное формирование критического общественного мнения и отсутствие репрессивных мер, которые могли бы подавить его, показывает, что в стране происходит осознание необходимости и возможности демократизации общества. Это показывает также, что сама правящая элита раздроблена и не в силах реально противостоять демократизации, которая, согласно мнениям, высказываемым на открытых дебатах, должна охватить также и политическую систему, а не только экономику. Общество уже осознало, что подлинная демократизация может осуществиться только через широкие социальные реформы, которые позволят разрешить обрисованные выше противоречия, закрывающие пути дальнейшему развитию югославского общества.

Осознание югославским обществом того факта, что оно *находится на перепутье*, идет на пользу важным социальным переменам. Трудно сказать, насколько глубокими они будут и как разрешатся противоречия. Перемены могут быть результатом открытых национальных конфликтов; такой путь нежелателен, но нельзя не сознавать такой возможности. Однако

может возобладать сознание необходимости концептуальных реформ, которые помогли бы избежать разрушительных национальных и социальных конфликтов.

Политическую элиту Югославии раздражают два противоречивых устремления. С одной стороны, она желает сохранить престиж страны, завоеванный при вступлении на независимый путь и избрании демократической концепции социализма. Но она хочет сохранить и свою монополию определять масштабы и темпы общественного развития (проще говоря, политическая элита желает, чтобы ее представители сохранили свои кресла). В нынешних условиях оба эти устремления не могут сосуществовать, и очевидный крен в пользу второго устремления угрожает престижу страны, завоеванному после 1948 г. Уже не секрет, что во многих отношениях Югославия отстает от некоторых восточноевропейских стран. Это может привести „старую гвардию” к настойчивым требованиям принять ее концепцию, а „старая гвардия” — не только участники, но и основоположники „югославского пути к социализму”, и ее еще живущие представители по-прежнему имеют определенное влияние на нынешнее поколение политической элиты. Поэтому последняя не решается открыто и широко выступать против призывов к демократизации. В то же время, даже нерешительные выступления общественности показали, что в самых высших эшелонах власти „монolithicность” в политике и идеологии серьезно подорвана. В рядах защитников статус кво тоже имеются склоняющиеся к демократизации политических и общественных институтов как единственному пути спасения.

Кризис показал, что партийное руководство все глубже затягивается в ловушку собственных программ, которыми оно обеспечивало себе „либеральную внешность”. Проповедуя идеологию самоуправления, высказываясь за свободу и критику как его необходимые условия, политическая элита волевым поощряет критический дух тех общественных сил, которые поддерживают социальные реформы.

Анализ причин и следствий социального кризиса приводит к выводу, что возможности функционирования существующей системы сужаются, и социальные перемены в сторону демократизации и расширения сферы самоуправления становятся

императивом выживания Югославии как независимой и интегральной общности, и развития демократических достижений, провозглашенных ею первой в той части мира, которая зовет себя социалистической, — еще в 50-е годы. Будущее „югославского пути к социализму” зависит от направления общественных перемен, которые произойдут сейчас. Необходимо последовательно сформулировать и осуществить на практике демократическое видение социализма. Это включает не только реформы сверху, но и более решительное раскрытие возможностей самоуправления — превращение самоуправления в действенное общественное движение, цель которого — инициировать социальные перемены снизу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Здесь применяется термин „действительно существующий социализм” для обозначения обществ, которые называют себя социалистическими, но не входят в советский блок, в отличие от термина „реальный социализм” в том смысле, в каком применяют его Сохор, Млинарж и др. в исследовательском проекте „Кризис политико-экономических систем советского типа”.
- 2 См. Doder, *The Yugoslavs*, George Allen and Unwin, London 1979, p. 173.
- 3 Я использую термины „самоуправление” и „самоправление” в разных значениях. Первый обозначает теоретическую концепцию и идею модели общественной организации в целом, т. е. самоорганизации, а также как процесса преобразования классического типа правления на глобальном уровне. „Самоправление” обозначает метод руководства на микроуровне, т. е. отход от классического разделения на производство и управление, когда реализуется право производителей решать, как следует распоряжаться орудиями и средствами производства. „Самоправление” может рассматриваться как микропроцесс в рамках более широкого и долговременного проекта осуществления интегрального самоуправляющегося типа общественной организации, но может быть и независимым институциональным сдвигом в микроорганизации хозяйства, особенно в форме со-управления или совещательных рабочих органов. Югославская модель находится где-то в промежутке, поэтому самоуправление более пригодно для обозначения явлений на нормативном уровне, а самоправление — это то, что существует на практике. По-прежнему остается вопрос: как убрать разрыв между этими уровнями.
- 4 Как пишет Фред Синглтон (Fred Singleton, *A Short History of the*

Yugoslav Peoples, Cambridge, University Press, Cambridge, 1985) „перемены, введенные новым законом (в 50-е годы), были более символическими, чем реальными”, ибо по-прежнему директора и руководители решали жизненные вопросы „о найме, увольнении и усилении трудовой дисциплины” и проводили решения, „спущенные им сверху” (стр. 228). Таким образом, закон 1950 г. просто дал рабочим советам право распоряжаться распределением части дохода предприятия — право, весьма ограниченное государственным регулированием.

Важным шагом вперед был закон „о плановом управлении народным хозяйством”, который ввел элементы рыночной экономики. „Социальный план” относился к макроэкономическому планированию, тогда как предприятия получили автономное право определять свои производственные планы с учетом потребностей рынка.

В 1952-1953 гг. была проведена либерализация хозяйственного управления, и в распоряжение предприятий была оставлена большая доля их доходов. Но, как отмечает Биланджич в статье „Идеи и практика общественного развития Югославии, 1945—1973 гг.” („Коммунист”, 1973) перемены касались только распределения общественного продукта между предприятием и государством и автономии предприятия. Все прочее осталось без перемен, т. е. государство продолжало устанавливать цены и определять положение отдельных отраслей, валютная система и внешняя торговля остались в руках государства, не произошло перемен в кредитно-денежной системе, в накоплении и расширенном воспроизводстве, в планировании (стр. 203-207). Поэтому, по мнению автора, в 60-е годы хозяйственные процессы по-прежнему регулировались административными методами и этатистская структура не была преодолена. Лишь с 1965г. возникло некоторое отличие: банки перестали участвовать в процессе накопления, так что стали говорить о влиянии „финансового капитала” на экономическое развитие.

- 5 Этот период югославской истории, описание которого долгое время было запретным, в последнее время был блестяще изображен в романах и повестях Антоние Исаковича, Бранко Гофмана, Слободана Селенича, Младена Маркова и др.
- 6 Для обозначения такого рода компромиссного решения некоторые югославские авторы используют термин „ранний социализм”. См., напр. A. Grlickov, *Raskrsca socijalizma, Komunist*, Белград, 1984.

7 В статьях, опубликованных в партийной газете „Борба” в 1953 г.,

М. Джилас разработал идею демократизации партии вплоть до ее отмирания для обеспечения демократической основы развития самоуправления. Джилас указывал на формирование бюрократической касты в социалистических обществах, в том числе в Югославии (после статьи „Анатомия морали”, в которой описывалась жизнь привилегированной касты югославского общества, идеи Джиласа были осуждены). Позднее, в „Новом классе”, Джилас писал о формировании „нового класса”, который пользуется всеми привилегиями правящего класса, не испытывая неудобств, связанных с частным владением” (Синглтон). Поскольку такая позиция ставила под сомнение необходимость авангарда „строительства социализма”, партийное руководство исключило Джиласа из своих рядов, и он на 9 лет был брошен в тюрьму за публикацию своих книг и интервью за границей.

8 Это подтверждает реакция югославского правительства на возникновение профобъединения „Солидарность” в Польше в 1980 г. „Югославский рабочий класс, — заявил премьер-министр в одном из интервью, — имеет самоуправление, и ему не нужно такое социальное движение”.

9 См. Paul Shoup, гл. 8 „The League of Communists of Yugoslavia”, in Stephen Fischer-Galati (ed.), *The Communist Parties of Eastern Europe*, Cambridge University Press, 1979, p. 330.

10 Более подробное описание развития Югославии см. в работах: В.Н., М.М. & R.S.H. Kramer (eds.), *Self-Government Socialism*, A. Reader, vol. 1 & 2, White Plains, N.Y. 1975; E. Kardelj, „Towards a New Type of Socialist Democracy”, „Socialist Thought and Practice”, 1976; F. Singleton, *Twentieth Century Yugoslavia*, Macmillan, London, 1976; B. Horvat, *The Yugoslav Economic System*, White Plains, N. Y. 1976; M. Drulovic, *Self-Management on Trial*, Nottingham, 1978; S. Zhukin, *Beyond Marx and Tito: Theory and Practice in Yugoslav Socialism*, Cambridge, 1975; M. Djilas, *The New Class: An Analysis of the Communist System*, Praeger, N.Y., 1957; G.S. Sher (ed.), *Marxist Humanism and Praxis*, Prometheus Books, N.Y., 1978; R. Supek (ed.), *Etatisme et Autogestion, Bilan critique du socialisme yougoslave*, Edition Anthropos, 1973, (see: Lj. Tadic, *Le proletariat et la bureaucratie*, M. Markovic, *Socialisme et autogestion*, R. Supek, *Problems et perspectives de l'autogestion en Yougoslavie*, Z. Golubovic, *Les idees socialistes et la realite*);

A. Nove, *The Economics of Feasible Socialism*, G. Allen and Unwin, London 1983 (part 3).

11 Душан Биланджич в своем исследовании подчеркивает, что Югославия приняла курс на ускоренную индустриализацию, которому было подчинено все остальное; в первый период валовые капиталовложения составляли до 32% национального дохода по сравнению с 13% в США в период самой интенсивной индустриализации.

12 См. A. Meister, *Ou va l'autogestion Yougoslave?*, Edition Anthropos, Paris, 1970, p. 270. К. Михайлович указывает, что в 1948-1950 гг. общественный продукт вырос примерно вчетверо, а в расчете на душу населения втрое, тогда как занятость — в 2,8 раза (см. К. Mihailovic, *Ekonomiska stvarnost Jugoslavije/Yugoslavia's Economic Reality*, Ekonomika, Beograd, 1982, p. 41).

13 Сравнение данных по Косово, наименее развитой области Югославии, со средними показателями по стране или с данными по Словении, наиболее развитой республики, показывают большой разрыв: неграмотность в 1971 г. по стране — 15,2%, в Словении — нет неграмотных, в Косово — 32,7% (43,5% — среди женского населения). По уровню рождаемости Косово превышает европейскую среднюю, а среднее домашнее хозяйство имеет здесь 7 членов — вдвое больше, чем в среднем по Югославии. Экономически активное население в Косово составляет лишь 23,8%, доля безработных — 27,3% по сравнению с 15,8% в Сербии и 1,5% — в Словении. В 1980 г. валовой общественный продукт на душу населения составлял 133,7 тыс. динаров (в текущих ценах), в Косово — лишь 22 тыс. динаров.

14 См. К. Михайлович, указ. соч., гл. 4. См. также V. Dedić, *Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita*, Vol. III, Rad, Beograd, 1984, p. 212. Дедиер полагает, что сохранение различий между районами и даже их усиление можно объяснить тем, что в менее развитых районах производится сырье и энергоносители, оцениваемые ниже их действительной стоимости, тогда как промышленная продукция, производимая в развитых районах, оценивается по твердым ценам.

15 Короткий период парламентаризма в послевоенной истории Юго-

славии описан в книге V. Kostunica and K. Cavoski, *Stranacki pluralizam ili monism, Društveni pokreti i politički sistem u Jugoslaviji 1944–1949*, Beograd, 1983.

16 Fred Singleton, *Op. cit.*, p. 232.

17 Этот момент подчеркивается как решающий в приостановке социальных перемен 1952 г. Ряд высших партийных функционеров и эксфункционеров-ветеранов в интервью автору настоящей работы в 1984 г. указывали, что после примирения с Советами постоянно ощущалось идеологическое давление, побуждавшее к принятию относительно более умеренной политики не только по отношению к СССР (от этого правительство время от времени отходило, например, осудив вторжение в Чехословакию), но и внутри страны.

18 N. Popov, *Društveni sukobi, Izzazov sociologiji* – неопубликованная рукопись. История этой рукописи интересна для характеристики этого последнего десятилетия. Хотя она была представлена как докторская диссертация и успешно защищена в Загребском университете, после отпечатания она была конфискована и уничтожена по решению общественного прокурора, в первую очередь потому, что события 1968 г. автор рассматривает как независимое движение и критически пересматривает партийную политику в послевоенный период.

19 См. D. Russinov, *The Yugoslav Experiment 1948-1974*, London, 1977, стр. 130-140.

20 Социологическое обследование о распределении влияния на предприятии показывает непрерывный рост влияния менеджеров в рабочих советах и падение участия в них рабочих (см. V. Rus, "Moc i struktura moci u jugoslovenskim preduzecima", *Sociologija* 2, 1970, стр. 191-209). Рус на основе изучения 15 предприятий утверждает, что по своему влиянию рабочий совет находится на четвертом месте – за директором, техническими специалистами и экономистами.

Данные о распределении влияния собрал югославский социолог В. Арзенсек (V. Arzensek), (См. *Struktura i pokret*, Центр философских и социальных теорий, Белград, 1984, стр. 9).

Таблица: Распределение власти на предприятиях

	1969	1970	1971	1974	1981
Директор	3,91	4,02	4,05	4,18	4,27
Высшие служащие	3,69	3,77	3,83	3,88	4,01
Рабочий совет	3,40	3,55	3,53	3,12	3,04
Рабочие	2,60	2,81	2,75	2,19	2,09

21 Арзенсек, указ. соч., стр. 12

22 Там же, стр. 13 (данные за 1980-1981 гг.)

23 Подробное описание частоты и мотивации забастовок дано в книге: *Odnos strajka kao društvenog sukoba i samoupravljanja kao društvenog odnosa*, Novi Sad, 1983. Автор отмечает, что забастовки впервые начались в 1958 г. и приходятся, в основном, на более развитые районы. Преобладали экономические мотивы (недовольство распределением доходов), однако они не были единственными: в забастовках проявлялось недовольство органами самоуправления, а также чувство, что эти органы – не лучшее средство защиты интересов рабочих в столкновениях с администрацией (см. также S. Zukin, *The Representation of Working Class Interest in Socialist Society: Yugoslav Labor Unions*", *Politics and Society*, 10, no. 3, 1981, (гл. образом стр. 304-309). Массовое расширение забастовок в последние два года подтверждает, что югославские рабочие по-прежнему используют их для защиты не только экономических интересов.

24 Это полуразрешение для совершенно новой альтернативы лучше всего иллюстрируется отношением к забастовкам и цензуре. Власти их и терпят и отвергают, никогда не признавая ни того, ни другого институционально. Как институт цензура отменена, но она действует в любом учреждении культуры в форме механизма внутреннего идеологического контроля, а должность несуществующего цензора перешла к общественному прокурору. Так возник парадокс: чем больше развиваются институты самоуправления, тем больше запретов на книги, журналы и другую культурную продукцию, так как определилась функция прокурора-цензора. Что касается забастовок, то на двойственность отношения к ним указывает тот факт, что власти стараются избегать самого этого слова:

вместо забастовок говорят об остановках работы, так что забастовки вроде бы есть, но вроде бы их и нет. Власти быстро выполняют требования бастующих (хотя бывают случаи наказания инициаторов забастовок), но осуждают забастовки как метод, несовместимый с самоуправлением („рабочие бастуют против самих себя”). Поэтому в конституцию не включено право рабочих на забастовки. Данные показывают, однако, что забастовки становятся все более организованными, особенно если они долго продолжаются (раньше они длились не более нескольких часов), и требования рабочих обычно отражают недовольство структурой власти.

- 25 См. A. Nove, *The Economics of Feasible Socialism*, p. 140.
- 26 См. I. Maksimovic, *Teorijske osnove drustvene svojine/Theoretical Foundation of Social Property*, IDN, Beograd, 1974, p. 87.
- 27 См. E. Comisso, *Workers Control under Plan and Market, Implications of Yugoslav Self-Management*, Yale University Press, New Haven, 1979, p. 119.
- 28 Там же, стр. 85
- 29 Югославские экономисты четко определили эти отношения на теоретическом уровне, показав типы плана и рынка, необходимые для экономики страны, организованной на началах самоуправления. Проблема, однако, в том, что отношения самоуправления считаются уже существующими, так что остается неясным, как встроить планы и рынок в существующую систему, чтобы они соответствовали провозглашенной цели (развитию отношений самоуправления) и помогали разрешить существующие противоречия.
- 30 И. Максимович, Указ. соч., стр. 13.
- 31 Yvon Bourdet, *Pour l'autogestion*, Editions Anthropos, Paris, 1974, p. 162.
- 32 См. Albert Meister, *Ou va l'autogestion Yougoslave?*, p. 273.
- 33 См. E. Kardelj, *Pravci razvoja politickog sistema socijalistickog samoupravljanja*, Komunist, Beograd, 1977.

34 Рабочих в СКЮ 30,6% (среди покинувших СКЮ в 1983 г. было 46% рабочих), крестьян – 7,4%, тогда как административного руководящего персонала – 27%, а интеллигенции – 15,5%. Если за последние 20 лет доля рабочих в СКЮ возросла в 4,5 раза, а крестьян – сократилась вдвое, то численность служащих возросла в 15 раз. См. также таблицу социального состава партии в указ. соч., Шоупа, стр. 360, табл. 8.1.

35 В недавних общепартийных дискуссиях о социальном кризисе рабочие открыто задавали вопрос, представляет ли СКЮ в своем нынешнем виде их интересы, и призывали к коренным переменам в руководстве партии и системе выборов.

36 Арзенсек, Указ. соч., стр. 136

37 Часто важнее провозглашать принципы самоуправления, чем реально работать для их развития. Это показывает следующий парадокс: в то время как описанные выше концепции самоуправления, внедренные в практику носителями власти, вызвали экономический и социальный кризис, ни сами эти концепции, ни их глашатаи не подвергались критике вплоть до начала 80-х годов. Между тем, представители критического марксизма, выступавшие против ограничения данными концепциями самоуправления и призывавшие к разработке и применению более оригинальных идей, к интегральному подходу к самоорганизации общества, становились объектом политического осуждения и преследований (в Югославии эти преследования имели „гуманную форму” увольнения с должностей).

38 Арзенсек, Указ. соч., стр. 86.

39 См. J. Zupanov, „Socioloski vidici razvoja”, *Sociologija*, no. 1-2, 1985.

40 См. D. Doder, Указ. соч., стр. 43.

41 См. S. Zukin, *Beyond Marx and Tito*, p. 122.

42 Там же, стр. 117.

43 В апреле 1984 г. группа участников „Открытого университета”

была неожиданно арестована, когда М. Джилас прочел лекцию по национальному вопросу. Среди арестованных шестеро представителей интеллигенции из Белграда и один – из Сараева были отобраны для политического процесса, который продолжался несколько месяцев и широко освещался иностранной прессой. Подсудимых обвиняли в причастности к созданию „нелегальной контрреволюционной организации, которая имела целью свержение режима“. Этот чудовищный процесс завершился тем, что молодой профессор социологии из Сараева был приговорен к 8 годам заключения, но затем апелляционный суд снизил срок до 4 лет, а Верховный суд переквалифицировал обвинение на „враждебную пропаганду“ и тоже снизил срок – до одного года и 10 месяцев. В Белграде суд низшей инстанции оправдал одного из шести подсудимых, двух представил на суд следующей инстанции, а трех остальных приговорил к году, полутора и двум годам заключения, так как общественный обвинитель тоже переквалифицировал обвинение с „контрреволюционной деятельности“ на „враждебную пропаганду“. Апелляционный суд одного из них оправдал, а двум снизил приговор соответственно до 8 месяцев и полутора лет. Эти двое заявили на суде, что если их отправят в тюрьму, они объявят бессрочную голодовку, поскольку это единственный доступный им способ настаивать на том, что они невиновны.

- 44 Это показал югославский социолог В. Рус в работе "Funkcionalna, socijalna i ekosistemska integracija", Sociologija, no. 2-3, 1983, стр.204.
- 45 Там же, стр. 204
- 46 См. J. Zupanov, "Kamo ide jugoslovensko drustvo", Nase Teme, no. 12, 1982, стр. 206.
- 47 Это показано в работе George Schopflin in "Political Decay in One-Party Systems in Eastern Europe: Yugoslav Patterns", Manuscript, p. 7. Однако автор не разработал свой тезис подробно и не сказал, о каких нуждах идет речь. Думается, речь идет о развитии новых потребностей и формировании ценностей в югославском обществе в последнее десятилетие: повышенная потребность в свободе высказывания, в новых формах общения, в большем внимании к личным ценностям и т. п. Это представляется логичным, ибо на сцену вышло новое поколение, чувства которого во многом отличаются от движущих стимулов основателей послевоенного югославского общества.

48 См. Andre Gorz, Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism, Pluto Press, 1982, pp. 47-49.

Работа З. Голубович является частью возглавляемого Зденеком Млинаржем широкого исследования кризиса политико-экономических систем советского типа. Завершенные в рамках этого проекта работы издаются на европейских языках. По-русски некоторые из них были опубликованы в журнале „Проблемы Восточной Европы“ (см. З. Млинарж. О факторах, обуславливающих кризисы систем советского типа в 80-е годы. „Проблемы Восточной Европы“ № 7–8; П. Кенде. „Нормализация“ Венгрии после 1956 г. „Проблемы Восточной Европы“; № 9–10; В. Брус. Перспективы „Нормализации“ в Польше. – там же; З. Млинарж. „Нормализация“ Чехословакии после 1968 г. – там же; Л. Сохор. „О консервативных чертах идеологии „реального социализма“. „Проблемы Восточной Европы“ № 11–12; Й. Коста, Ф. Левчик. Экономический кризис в восточно-европейских странах – членах СЭВ. – „Проблемы Восточной Европы“ № 15–16).